

Царь и церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій.

(Окончаніе ¹⁾).

Церковные соборы московской Руси XVI и XVII столѣтій были однимъ изъ проявленій верховныхъ заботъ нашихъ благочестивыхъ государей о церкви, о правильномъ теченіи всѣхъ церковныхъ дѣлъ; церковный соборъ XVI и XVII вѣка это—органъ, при посредствѣ котораго царь осуществлялъ свои верховныя права и заботы о процвѣтаніи православной вѣры и благочестія. Этимъ и опредѣлялись особыя отношенія московскаго царя къ церковнымъ соборамъ.

Всѣ церковные соборы московской Руси XVI и XVII столѣтій всегда обязательно созывались только по особому повелѣнію государя, безъ его согласія не могъ состояться ни одинъ соборъ ²⁾.

¹⁾ См. Бог. Вѣст. 1906 г. Ноябрь.

²⁾ Въ 1554 г. царь Иванъ Васильевичъ, въ грамотѣ къ Максиму греку, раскрывъ еретическія мнѣнія Башкина, пишетъ: „тѣмъ же убо умыслихъ сиде: да соберутся вси, елици сущіи обрѣтаются подъ областію моею: архіепископи же и епископи, архимандриты же и игумени и черноризци, иже въ благочестіи пребывающіи“ на соборъ, для осужденія Башкина (А. И. т. I, № 161, стр. 298). Въ соборной грамотѣ 1554 г. о бѣломъ клобукѣ, царь заявляетъ: „во всю свою область царскаго самодержства послахомъ къ сущимъ подъ областію святѣйшія русскія митрополія къ своимъ богомольцомъ, и повелѣхомъ снитися преосвященнымъ архіепископомъ, и епископомъ, и чествѣйшимъ архимандритомъ, и игуменомъ, и всему освященному собору“ (А. И. т. I, № 173, стр. 331). Или наприимѣръ: „въ прошломъ во 168 (1660) году по божественному повелѣнію и (повелѣнію) благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Руссіи самодержца,

Принявъ рѣшеніе созвать церковный соборъ, царь разсылалъ отъ себя особыя пригласительныя грамоты ко всѣмъ архіереямъ, съ предписаніемъ явиться въ Москву въ назначенное царемъ время. Безъ этого особаго царскаго приглашенія ни одинъ архіерей, только своею волею, ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ явиться на соборъ. Тоже нужно сказать и о другихъ лицахъ, входившихъ въ составъ собора, какъ его члены, хотя приглашенія имъ шли не непосредственно отъ царя, а вѣроятно чрезъ одно изъ дворцовыхъ учрежденій. Такимъ образомъ составъ членовъ собора всякій разъ зависѣлъ отъ воли и усмотрѣнія государя, являлись на соборъ только тѣ, кого онъ самъ приглашалъ или повелѣвалъ другимъ пригласить.

Мѣсто, гдѣ происходили засѣданія собора, назначалось царемъ. Обыкновенно дѣло въ этомъ отношеніи ставилось такъ: если на соборѣ присутствовалъ самъ государь, то соборныя засѣданія обязательно происходили въ царскихъ палатахъ въ средней, золотой и такъ называемой столовой избѣ; а если царь на соборныхъ засѣданіяхъ не присутствовалъ, то онѣ обыкновенно происходили въ такъ называемой патріаршей крестовой палатѣ. Только два раза: въ 1572 г. и при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, соборы происходили въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Всѣ истинные или настоящіе соборы открывались обыкновенно самимъ государемъ, который по большей части лично присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, хотя да-

собрашися преосвященный соборъ въ богохранимый царствующій градъ Москву, и снідохомся въ патріаршую крестовую палату митрополити, архіепископи и епископи“. Или: 21 декабря 1662 года государь, празднуя память московскаго митрополита св. Петра, задумываясь надъ судьбами вдовствующей русской церкви и о разныхъ церковныхъ нестроенияхъ „изволилъ онъ, великій государь, учинити соборъ и писати о томъ ко вселенскимъ патріархомъ“, чтобы они пріѣхали въ Москву. „А къ своимъ государевымъ богомольцамъ, къ преосвященнымъ митрополитомъ, къ архіепископомъ, и епископомъ указалъ послать свои государевы грамоты, чтобы они къ тому жъ собору пріѣхали къ Москвѣ изъ дальнихъ городовъ марта къ 25 числу, а изъ ближнихъ маія къ 9 числу“. Тоже говорится и относительно собора 1666 года, т. е. что государь разослалъ по всѣмъ архіереямъ особыя посланія, которыми приглашалъ ихъ явиться въ Москву на соборъ. (Гиббенста: Дѣло патр. Никона, т. I, стр. 242—243. Матер. для ист. раск. т. II, стр. 60. Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53).

деко не на всѣхъ. Нерѣдко на соборъ онъ являлся въ сопровожденіи своихъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, которые принимали участіе въ соборныхъ засѣданіяхъ наравнѣ съ другими членами собора. Если царь оставлялъ соборныя засѣданія, или вовсе на нихъ не присутствовалъ, то ихъ оставляли или на нихъ не присутствовали и бояре, окольничіе и думные люди. Присутствіе царя на „истинномъ“ соборѣ считалось почти обязательнымъ, такъ какъ оно придавало собору настоящую силу и авторитетность. Нероновъ на соборѣ 1653 года говорилъ Никону патріарху: „достойтъ поистинѣ и благочестивому царю быти на семъ соборѣ: понеже дѣло великое, Божіе и ево гусударево, и общее всѣхъ православныхъ христіанъ; а ими, благочестивыми и православными цари, всякъ глаголь вѣренъ бываетъ... Безъ нихъ же, благочестивыхъ государей, не состоится ничтоже, и вселенстіи седмь соборовъ благочестивыхъ царей имѣли, и въ пособіе и въ помощь призывали съ моленіемъ, понеже ихъ помощію и совѣтомъ вѣра христіанская утвердися. И нынѣ такоже симъ благочестивымъ нашимъ государемъ царемъ всякая истина утверждается и правовѣріе и въ руссійскомъ его государствѣ яко солнце сіяетъ“. Убѣждая царя созвать истинный соборъ, и указывая изъ кого онъ долженъ состоять, Нероновъ говоритъ: „тебѣ же государю, яко превеликому столпу ту (на соборѣ) предсѣдѣти и всѣхъ зрѣти“. ¹⁾ Другой противникъ церковной реформы Никона, дяконъ Ѳеодоръ, приглашаетъ царя стать на соборѣ безпристрастнымъ судьей между двумя сторонами, борящимися за старое и новое. „Аще не собереши государь, говоритъ онъ, всѣхъ насъ во едино (не о себѣ азъ глаголю, ничто же бо есмь), кои стоятъ застарое и кои за новое, и обоихъ странъ словесъ самъ не услышиши: не познаешь, государь, истинны. Егда будетъ праведный между нами судія—или ты самъ, христіанская наша надежда, или кто вѣрный твой царевъ слуга въ тебе мѣсто, аще мы предъ твоимъ царскимъ лицомъ недостойны стати: тогда сіи святіи себе оправятъ и лествъ прогонятъ отъ церкви далѣе, да пакн чиста явится церковная нива отъ соблазнъ!“ ²⁾ Соборное рѣшеніе, состо-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. I, стр. 66, 235—236.

²⁾ Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 42—43.

явшаеся въ присутствіи царя, считалось окончательнымъ и неизмѣннымъ, не допускающимъ апелляціи и перерѣшенія, потому что „царское осужденіе суду не предлежитъ и не пресужается“ ¹⁾. Тогда какъ недовольный рѣшеніемъ собора, на которомъ царь не присутствовалъ, всегда могъ апеллировать къ новому—большому собору, который обязанъ былъ вновь пересмотрѣть дѣло и могъ поставить по нему иное рѣшеніе.

Состоявшіяся на соборѣ тѣ или другія постановленія получали обязательную силу закона и вводились въ церковную практику не иначе, какъ только послѣ просмотра и одобренія ихъ царемъ, который привѣщивалъ къ нимъ свою печать или скрѣплялъ ихъ своею подписью, безъ чего соборныя постановленія, сами по себѣ, не имѣли никакой силы. Въ большинствѣ случаевъ сами государи разсылали потомъ въ разныя мѣста и установленія соборныя постановленія въ формѣ своихъ указовъ и распоряженій.

Такимъ образомъ вся внѣшняя, такъ сказать техническая сторона московскихъ церковныхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій, исключительно зависѣла отъ царя: онъ былъ инициаторомъ соборовъ и безъ его согласія они не могли состояться; онъ опредѣлялъ время и мѣсто соборныхъ собраній, составъ и количество лицъ, засѣдающихъ на соборѣ, онъ открывалъ соборныя засѣданія, утверждалъ состоявшіяся соборныя постановленія, придавая имъ силу закона, и потомъ заботился о проведеніи ихъ въ жизнь, съ помощію своихъ царскихъ указовъ и распоряженій.

Государь, рѣшивъ собрать церковный соборъ, естественно долженъ былъ прежде всего позаботиться подготовить и извѣстнымъ образомъ предварительно обработать тотъ матеріалъ, надъ которымъ потомъ долженъ былъ оперировать соборъ. Отцы Стоглаваго собора объ этой предварительной предсоборной дѣятельности государя говорятъ слѣдующее: „нѣкогда вниде въ слухи боговѣнчаннаго и христіюлюбиваго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца, что по многимъ святымъ Божиимъ церквамъ звонятъ и поютъ не вовремя, кромѣ божественнаго устава, и многіе церковныя чины не сполна совершаются по

¹⁾ Макарія: Ист. рус. церкви т. VI, стр. 146, примѣчаніе.

священныѣ божественнымъ правиломъ, и не по уставу. Онъ же, боголюбивый царь, о томъ таковая слыша, не просто вмѣни, но разжеся Духомъ святымъ, вскорѣ повелѣ исписати о тѣхъ *многообразныхъ церковныхъ чинехъ*, которые не по уставу и несполна по священнымъ правиломъ совершаются, и вдасть на соборѣ отцу своему Макарію митрополиту всея Руси, и повелѣ ему о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинехъ, разсудивъ, указъ учинити по божественному уставу и по священнымъ правиломъ“. Итакъ, царь Иванъ Васильевичъ, прежде созванія собора 1551 года, „повелѣлъ исписать“ о тѣхъ церковныхъ и богослужебныхъ нестроеніяхъ, о которыхъ онъ получалъ свѣдѣнія т. е. еще до собора имъ назначена была особая предсоборная коммиссія, которая должна была собрать и приготовить весь матеріалъ для предстоящаго собора. Несомнѣнно, что въ составъ предсоборнаго матеріала входили и личныя свѣдѣнія и наблюденія самого гдсударя. На это есть прямое указаніе въ царскихъ вопросахъ собору. Въ 34-мъ царскомъ вопросѣ говорится: „да на Божественной литургіи: Отца и Сына и Святаго Духа Троицу единосущную и нераздѣльную всегда не поютъ, рѣчью говорятъ въ нашемъ царствѣ. *Какъ есмь былъ въ Новгородѣ Великомъ и во Псковѣ, во святой Софѣи претудрости Божіи и у живоначальныя Троицы*, и во всѣхъ святыхъ Божіихъ церквахъ по воскреснымъ днемъ, и по господьскимъ праздникомъ, и нарочитымъ святымъ на вечерни: святыя славы поютъ и словоисловіе поютъ на заутрени“ ¹⁾.

1) Что цари и лично намѣчали тѣ вопросы, какіе у нихъ самихъ вызвали недоумѣнія и потому предназначались ими къ передачѣ на соборное обсужденіе, это хорошо видно изъ черновой записи вопросовъ и предметовъ, которые царь Алексѣй Михайловичъ набросалъ для себя, имѣя въ виду передать ихъ потомъ на обсужденіе церковнаго собора. Этотъ любопытный документъ найденъ не очень давно и напечатанъ С. А. Бѣлокуровымъ. Текстъ этой записки слѣдующій: 1) „О единогласномъ пѣніи въ святой Божіей церкви и въ монастыряхъ, и въ соборахъ, и въ мірѣ (т. е. приходскихъ церквахъ). Едина вѣра, едино крещеніе, и единъ Богъ и Господь. 2) На рѣчь пѣти всякое знамя, какъ въ печати написано... и переводы есть старыя на рѣчь. 3) Псалтырь пѣти на востокъ лицомъ и *достойно* на литургіи навсходѣ и на всякой службѣ. 4) Возгласы: *яко святъ еси Боже, ѱаизъ и: яко да подѣ державою Твоею всегда храними*, что на литургіи, и молитвы: *Владыко многомилостиве*—на востокъ. 5) О четырехдесятницѣ, когда бываетъ литургія съ вечерней въ

Точно такъ же, какъ на Стоглавомъ соборѣ, дѣло проне-
ходило и на другихъ церковныхъ соборахъ т. е. по распо-
ряженію и указанію царя сначала учреждалась предсобор-
ная коммиссія, которая собирала и извѣстнымъ образомъ
обработывала (напримѣръ въ формѣ царскихъ запросовъ на
Стоглавомъ соборѣ) весь матеріалъ, который потомъ и по-
ступалъ на разсмотрѣніе, обсужденіе и рѣшеніе собора. Такъ,
на соборѣ 1660 года, который долженъ былъ установить
фактъ добровольнаго, или вѣрнѣе. самовольнаго оставленія
Никономъ патріаршей каѳедры, по указу государя, бояринъ
Петръ Михайловичъ Салтыковъ „принесъ сказки писмян-
ные“ т. е. письменныя показанія всѣхъ тѣхъ лицъ, какія
были свидѣтелями обстоятельствъ оставленія Никономъ па-
тріаршаго престола, которыхъ показанія ранѣе были отобраны
по особому распоряженію государя. Эти сказки должны были
служить матеріаломъ для соборнаго сужденія.—Когда 21 де-
кабря 1662 года царь рѣшилъ созвать для суда надъ Нико-
номъ новый—большій соборъ, и на него пригласить восточ-
ныхъ патріарховъ, то, въ тоже время, „указалъ великій го-

навечеріе Рождства Христова и Богоявленія и Свѣтлаго Воскресенія,
тогда уставъ повелѣваетъ пѣти поздно; также и въ великій постъ
въ пятиднѣхъ пѣти поздно. 6) А часы по уставу поютъ въ монастырехъ
часъ третей и шестой предъ обѣдней, а блаженну поютъ на обѣднѣ, а
девятый часъ послѣ литургіи, а индѣ поютъ всѣ часы и блаженну предъ
обѣднѣй, а на литургіи: *благоесть*. 7) Молебень пѣти по единому ка-
нону Спасу и Богородицы и святымъ праздничнымъ или храму. 8) По
три каѳизмы на заутрени уставъ повелѣваетъ съ сентября: отъ Воздви-
женія честнаго креста декабря по 20 число. 9) Церковныя чтецы и пѣвцы
по правиломъ рукоположены служатъ въ церкви. 10) Облачитися къ ве-
черни и заутрени и ко всякой церковной службѣ Иванъ Милостивый по-
вѣлѣваетъ облачитися во всея священнаго одежа. 11) Люди Божія по-
учати повелѣваетъ въ праздники и въ воскресные дни архіереемъ и
ереемъ о вѣрѣ и о всякомъ благочестіи и о житіи христіанствомъ послѣ
заутрени и обѣднѣ на рѣчь сказати, чтобъ всѣмъ людямъ откровенно
было слово Божіе. 12) А которыхъ во священныи чинъ и во діаконски
поставляти, и выбирати избранныхъ людей учительныхъ, чтобы знали
кругъ церковный и уставъ; а которые не учены, и тѣхъ во училищѣ
подобаетъ учить, чтобъ по правиломъ святыхъ отецъ всѣ знали, какъ
души христіанскія просвѣщати. *Соль земли и свѣтъ міру*. 13) А священ-
ническому и иноческому чину отъ пьянства трезвитесь и сквернословія
отнюдь бы не держатися не токмо въ церкви, но и въ міру; на нихъ
многіе мірскіе люди соблазняются“. (Чт. общ. ист. и древн. 1894 г.,
кн. IV, статья: Дѣяніе моск. церк. собора 1649 года, стр. 48—49).

сударь быти въ Москвѣ: Иларіону архіепископу рязанскому и муромскому *для собранія къ тому собору всякихъ винъ*, да у тогожъ дѣла быти боярину Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмичу Елизарову, да дьяку Лукьяну Голосову“. Очевидно этой комиссіи поручалось собрать для предстоящаго собора весь матеріаль, необходимый для настоящаго освѣщенія и составленія правильного соборнаго сужденія о всей дѣятельности и поступкахъ бывшаго патріарха Никона. Но этого мало. „А во время того собора указалъ великій государь *соборное дѣло вѣдать* своимъ государевымъ богомольцамъ: ростовскому митрополиту Іонѣ, да рязанскому архіепископу Иларіону, да своимъ государевымъ бояромъ: боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да боярину Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмичу Елизарову, да думному дьяку Алмазу Иванову, да дьяку Ивану Голосову“. Значить, въ эту вторую комиссію, которой поручалось „*соборное дѣло вѣдать*“, вошла вся предсоборная комиссія съ присоединеніемъ къ ней нѣсколькихъ новыхъ лицъ: изъ духовныхъ—митрополита Іоны, изъ свѣтскихъ—боярина Одоевскаго и думнаго дьяка Алмаза Иванова. Эта вторая комиссія, предназначенная дѣйствовать уже во время самыхъ соборныхъ засѣданій, играла роль справочнаго и дѣловаго бюро, которое хранило у себя весь ранѣе собранный для собора матеріаль, передавало его въ соборныя засѣданія, давало собору нужныя справки, разъясненія, наблюдало заведеніемъ записей по соборнымъ преніямъ, приводило ихъ въ порядокъ и единство и о всемъ, что происходило на соборѣ, докладывало государю, когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ. Нельзя, въ данномъ случаѣ, не обратить вниманіе на то важное обстоятельство, что обѣ комиссіи, какъ предсоборная, такъ и соборная, по составу своихъ членовъ смѣшаннаго характера, состоятъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, при чемъ послѣдніе численно рѣшительно преобладаютъ надъ духовными. Само собою понятно, что какъ предсоборная, такъ и соборная комиссіи находились въ непосредственномъ вѣдѣніи государя и руководствовались въ своей дѣятельности его непосредствен-

1) Гиббенета: Дѣло о патр. Никонѣ, т. I, стр. 245.

ными указаніями.—Въ 1682 году царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ собралъ церковный соборъ и прислалъ рядъ своихъ письменныхъ предложеній, съ повелѣніемъ собору разсмотрѣть, обсудить ихъ и дать на нихъ свой отвѣтъ. Важнѣйшимъ изъ царскихъ предложеній былъ проектъ реформы высшаго церковнаго управленія и увеличеніе числа епархій до 72-хъ. Всѣ нужныя обширныя справки и матеріалы по этому дѣлу заранее были собраны предсоборной комиссіей и въ готовомъ видѣ представлены были на соборъ. Такъ какъ всѣ архіереи на соборѣ единодушно отклонили предложенную царемъ реформу, то отсюда можно заключить, что въ предсоборной комиссіи, разработывавше проектъ реформы, архіереи вовсе не участвовали.

Такимъ образомъ весь матеріалъ для предназначеннаго того или другаго церковнаго собора, по распоряженію государя, собирался и разрабатывался заранее особою назначенною имъ для этого комиссією, и затѣмъ поступалъ на соборъ въ формѣ царскихъ предложеній или вопросовъ, на которые соборъ и давалъ свои отвѣты. Значить, какъ самыя вопросы или точнѣе предметы, которые долженъ былъ разсматривать и обсуждать соборъ, опредѣлялись не имъ, а исключительно государемъ, который вѣроятно предварительно совѣтывался обо всемъ съ митрополитомъ, а потомъ патріархомъ; точно такъ же царскими же вопросами и предложеніями создавались и тѣ опредѣленные рамки, только въ предѣлахъ которыхъ и могла двигаться вся соборная дѣятельность, не имѣвшая права переходить за установленныя для нея царемъ границы, или вносить отъ себя что-либо новое, чего не давалось и не предусматривалось въ царскихъ вопросахъ и предложеніяхъ,—дѣло собора было отвѣчать на предложенные вопросы, а не ставить ихъ отъ себя.

Когда всѣ подготовительныя работы къ предстоящему собору были закончены, царь открывалъ соборъ и произносилъ на немъ рѣчь, въ которой указывалъ на причины собранія собора, на главный предметъ и конечную цѣль соборныхъ занятій. Нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ царскихъ рѣчей къ соборамъ очень характерны въ томъ отношеніи, что онѣ имѣютъ видъ поученій и назиданій отцамъ собора, выражаютъ открытое стремленіе государей побудить своихъ богомольцевъ стоять на высотѣ своего церковнаго призванія,

воодушевить ихъ дѣйствовать безъ лѣности, безъ угодничества и уклончивости, руководствуясь только истиною, только опираясь на находящіяся въ ихъ распоряженіи церковныя правила и узаконенія, руководственное значеніе которыхъ признаетъ православная церковь.

На Стоглавомъ соборѣ царь въ первой своей — устной рѣчи, говорилъ: „не обълѣнитесь изрещи слово къ благочестію единомысленно о православной нашей христіанской вѣрѣ, и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ, и о нашемъ благочестивомъ царствіи, и о устроеніи всего православнаго христіанства, зѣло бо желаю и срадуюся и согласую сослужебень съ вами быти, и вѣрѣ поборникъ.“ Во второй своей — письменной рѣчи, которую царь передалъ собору, онъ между прочимъ взываетъ: „Бога ради и пречистыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ ради, потружайтесь, во еже исправить истинная и непорочная наша христіанская вѣра, иже отъ божественнаго писанія во исправленіе церковному благочинію и царскому благозаконію и всякому земскому строенію, и нашимъ единокорнымъ и безсмертнымъ душамъ на просвѣщеніе и на оживленіе и на утверженіе истинныя православныя христіанскія вѣры“. И обращаясь особенно къ пастырямъ церкви царь говоритъ: „вы же, отцы наши—пастыри и учителя, внидите въ чувства ваша, прося у Бога помощи, изтрезвите умъ вашъ и просвѣтитесь во всякихъ богодухновенныхъ обычаяхъ, яко же предаде вамъ Господь“. И затѣмъ, прося отцовъ собора научать и просвѣщать на всякое благочестіе его—царя, князей, бояръ и все православное христіанство „нелѣностно и тщательно“, говоритъ: „прежде убо вы сами—пастыріе и учителя извѣстите себе и утвердитесь, и умножите данный вамъ отъ Бога талантъ... Потружайтесь о истиннѣй и непорочнѣй православной христіанствѣй вѣрѣ, и утвердите и изъясните, яко жъ предаша вамъ святіи отцы по божественнымъ правиламъ; и не токмо, глаголю вамъ, потрудитесь, но и постраждете за имя Христово, яко жъ они, божественніи мужіе, не токмо боза имя Того страдаху, но и за образъ“. Въ заключеніе царь говоритъ: „азъ же вкупѣ единодушно всегда есмь съ вами исправляти и утверждати, яко наставить насъ Духъ святыи“ и заявляетъ, что—пастыри безъ страха должны воспрещать и ему—царю, если онъ явится въ чемъ послушникомъ божественныхъ пра-

вить.—Характеръ приведенной рѣчи царя къ собору—учительно - назидательный относительно отцовъ собора, самый ея тонъ, показываетъ, что царь чувствовалъ и сознавалъ, что именно онъ есть верховный управитель не только дѣлъ государственныхъ, но и церковныхъ, и что его „царскіе богомольцы“ нуждаются въ его царскомъ поощреніи и наставленіи въ дѣлѣ церковнаго устроительства.

Въ 1660 году царь собралъ соборъ по дѣлу отреченія Никона патріарха и, рассказываетъ соборное дѣяніе, „февраля въ 16 день предсташа весь преосвященный соборъ предъ лицомъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, и слыша отъ святыхъ устъ его веліе попеченіе, зане святая соборная церковь пастыря и жениха не имѣеть, да преосвященный соборъ о семъ крѣпко и единодушно праведнѣ, не имѣя кто ненависти и тщетныя любви, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, разсуждаютъ, памятуя кійждо страшный судъ и воздаяніе комуждо по дѣломъ его... И въ нынѣшній же настоящий 168 годъ, февраля въ 27 день, говоритъ тоже соборное дѣяніе, по указу великаго государя... преосвященный соборъ о отреченіи патріаршества святѣйшаго патріарха Никона правильной выписки слушали, и по выпискѣ правилнѣ разсуждали, бояся кійждо страшнаго суда Божія, и помня великаго государя мудрейшее повелѣніе вышеписанное, крѣпцѣ смотриша, да не како неправилнѣ управленіе сіе совершиться иматъ“ ¹⁾. Опять царь обращается къ членамъ собора съ назиданіемъ, что бы они обсудили предложенное имъ дѣло справедливо, по божественнымъ правиламъ, не увлекаясь, при рѣшеніи его, личной ненавистію и пристрастіемъ, памятуя каждый страшный судъ и воздаяніе на немъ каждому по дѣломъ его. И члены собора сами сзидѣтельствуя, что они всячески старались рѣшить дѣло справедливо, „бояся кійждо страшнаго суда Божія и помня великаго государя премудрейшее повелѣніе вышеписанное“, чѣмъ отцы собора какъ будто даютъ понять, что „премудрейшее повелѣніе государя“ о справедливости и безпристрастіи соборныхъ рѣшеній было для нихъ далеко не лишнимъ, такъ какъ памятованіе объ немъ было

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53 и 62.

для нихъ однимъ изъ мотивовъ рѣшить дѣло безпристрастно.

Открывая соборъ 1666 года царь въ своей рѣчи къ собору между прочимъ говорилъ: „молимъ убо вы (отцовъ собора) и увѣщаемъ, яко да со всякимъ тѣченіемъ прилежите о семъ дѣлѣ Божіи, во ежебы намъ о непопеченіи, вамъ же о нерадѣніи и небреженіи, въ страшный день отмщенія Судіи нелицемѣрному слова не воздати. Се мы засвидѣтельствуемъ безначально живущаго и безконечно царствующаго, яко готови есмы вся наша и самыхъ насъ положить на побореніе по церкви Божіи; вы точію, о дѣлательіе нивы Христовы, небреженіемъ отягчени не будите“ ¹⁾. И здѣсь царь убѣждаетъ отцовъ собора необлѣниться, не быть небрежными и нерадивыми къ дѣлу Божію, показать въ немъ тѣченіе и ревность; а про себя заявляетъ, что готовъ всего себя отдать „на побораніе по церкви Божіи“.

Такимъ образомъ всѣ рѣчи государей къ отцамъ соборовъ въ извѣстной степени напоминаютъ собою рѣчи тѣхъ полководцевъ, которые, передъ битвой съ непріателемъ, стараются воодушевить своихъ соратниковъ, поднять въ нихъ мужество и отвагу, возбудить въ нихъ готовность всѣмъ пожертвовать ради побѣды; цари на соборахъ это — полководцы, отцы соборовъ—ихъ соратники.

Въ какомъ отношеніи царь находился къ соборнымъ засѣданіямъ и ко всему происходившему на соборѣ, это съ достаточною ясностію можно видѣть изъ дѣяній нѣкоторыхъ соборовъ, о которыхъ до насъ дошли болѣе подробныя свѣдѣнія.

На соборѣ 1660 года, объ оставленіи каведры Никономъ, царь, какъ мы видѣли, призвалъ къ себѣ во дворецъ архіереевъ и другихъ членовъ собора, поучалъ ихъ и внушалъ рассмотреть и рѣшить предложенное имъ дѣло съ полнымъ безпристрастіемъ. Выслушавъ это „мудрѣйшее повелѣніе“ государя, отцы собора оставили дворецъ и направились въ патріаршую крестовую палату, гдѣ и происходили соборныя засѣданія. По повелѣнію государя сюда явился бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, исполнявшій на соборѣ роль нынѣшняго оберъ-прокурора Св. Синода. Этотъ царскій

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 71.

„синклитикъ“ „принесъ на соборъ сказки писмянныя“, въ которыхъ заключались показанія всѣхъ тѣхъ лицъ, какія были свидѣтелями оставленія Никономъ патріаршей кафедрѣ, послѣ извѣстной его службы въ Успенскомъ соборѣ. Всѣ эти письменныя показанія были ранѣе, по повелѣнію государя, отобраны отъ нихъ. Соборъ „сказокъ слушавъ“ и провѣривъ ихъ личными показаніями свидѣтелей, которые нарочно были вызваны на соборъ, пришелъ къ заключенію, „что святѣйшій патріархъ Никонъ оставилъ свой патріаршій престолъ своею волею“. Съ этимъ заключеніемъ соборъ отправилъ для доклада государю боярина Салтыкова. Тотъ, доложивъ дѣло государю, „пришедъ на соборъ сказалъ, что великій государь... указалъ преосвященному собору выписать изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ о отшествіи бывшаго патріарха Никона, а у выписки указалъ великій государь быть преосвященному архіепископу Маркелу вологодскому и бѣлозерскому, и преосвященному архіепископу Иларіону рязанскому и муромскому, и преосвященному Макарію архіепископу псковскому и изборскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Александрова монастыря Свирскаго игумену Симону“. Согласно приказанію государя соборъ назначилъ указанныхъ ему лицъ для выписки правилъ. Сдѣланныя выписки правилъ представлены были потомъ на благоусмотрѣніе государя, причемъ соборъ свидѣтельствуешь, что „сія вся правила и предреченная свидѣтельства *трикратно предлагахомъ предъ лицомъ великаго государя въ его царскихъ палатахъ*“ т. е. царь, очевидно, считалъ представляемыя ему выписки правилъ недостаточными и три раза возвращалъ ихъ собору для дополненій. Но не смотря на дополненія, государь всетаки находилъ и теперь выписки правилъ соборомъ не вполне удовлетворительными, и указалъ собору на средство достигнуть по этому дѣлу болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. „Онъ, великій государь, говоритъ соборное дѣяніе, правилъ святыхъ отецъ и свидѣтельскихъ отвѣтовъ слушавъ, указалъ пригласить обрѣтшихся въ Москвѣ греческихъ архіереевъ... и выписать имъ изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, и быти имъ для свидѣтельства на соборѣ;“ въ переводчики къ греческимъ іерархамъ назначенъ былъ извѣстный Епифаній Славинецкій. Такимъ образомъ составъ собора былъ усиленъ включеніемъ въ него, по по-

велѣнію государя, новыхъ членовъ — трехъ находившихся тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ, которые должны были сдѣлать выписки правилъ изъ греческихъ книгъ, что дѣйствительно ими и было исполнено. Тогда „*наки преосвященный соборъ предстахомъ предъ лицомъ великаго государя царя*, и опять представилъ ему выписки изъ правилъ, сдѣланныя и русскими и греческими архіереями, какъ вполнѣ согласныя между собою въ томъ, что Никонъ по правиламъ долженъ быть лишенъ архіерейства и самаго священства, и что на его мѣсто слѣдуетъ немедленно поставить новаго патріарха. Это рѣшеніе собора государь, говоритъ соборное дѣяніе, „*разсуждая премудре, благоразсудитъ и праведнѣ съ своимъ царскимъ синклитомъ*“ т. е. обсудивъ его съ своею боярскою думою, нашелъ правильнымъ, и потому „*повелѣтъ тако быти.. и соборное сіе писаніе совершити*“ т. е. окончательно написать его. Когда оно было наконецъ написано и представлено на благоусмотрѣніе государя; онъ исправилъ его своею рукою (почему оно и сохранило помѣту: „правлено рукою государя“) и затѣмъ повелѣлъ „*соборное сіе писаніе совершити и руками всему освященному собору подкрѣпити въ соборной и апостольской церкви при себе, великомъ государѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и при своемъ царскомъ синклитѣ*“ ¹⁾).

Въ 1660 году собранъ былъ и другой соборъ по поводу обвиненій, взведенныхъ суздальскимъ попомъ Никитою на суздальскаго архіепископа Стефана, о чемъ ранѣе, по приказанію государя, произведенъ былъ на мѣстѣ розыскъ и собраны были „обыскныя рѣчи“. Теперь на соборъ великій государь, говоритъ соборное дѣяніе, „*прислалъ къ намъ, преосвященному собору, обыскныя рѣчи съ бояриномъ съ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ, да съ думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, чтобъ намъ по тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ правильно объ этомъ архіепископѣ Стефанѣ поразсудить, и у того дѣла великій государь указалъ съ нами, архіереями, быть боярину своему Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дѣаку Алмазу Иванову. И тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы соборнѣ съ бояриномъ и дѣакомъ слушали и по тѣмъ обы-*

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53—111. Гиббенетъ, т. 1, стр. 180—220.

скамъ и рѣчамъ познали“... Здѣсь особенно характерно то обстоятельство, что на соборномъ судѣ надъ архіепископомъ, наряду съ архіереями, какъ полноправные члены собора, и значить, какъ судьи архіепископа, были и міряне: царскіи бояринъ и дьякъ.

12 декабря 1666 года въ патріаршей крестовой палатѣ, въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, всѣхъ русскихъ и греческихъ членовъ собора, состоялось засѣданіе для объявленія соборнаго приговора Никѡну. Когда всѣ собрались, „святѣйшіе вселенскіе патріархи послали извѣстить великому государю стольника князь Петра Прозоровскаго, что бѣ великій государь изволилъ прислать къ нимъ на соборъ отъ своего царскаго синклита ково онъ, великій государь, укажетъ“; царь прислалъ на соборъ бояръ: Никиту Ивановича Одоевскаго, Петра Михайловича Салтыкова, думнаго дворянина Прокофія Кузмича Елизарова и думнаго дьяка Алмаза Иванова. „И какъ бояря и думный дворянинъ и дьякъ въ крестовую пришли, и святѣйшіе патріархи, благословя ихъ, велѣли имъ сѣсть на скамѣ“ ¹⁾, т. е. присутствовать, какъ представителямъ государя, на соборномъ засѣданіи.

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ слѣдуетъ, что всѣ соборныя засѣданія происходили подъ постояннымъ наблюденіемъ государя, что когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, то посылалъ на соборъ своихъ довѣренныхъ бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ; что государю докладывалось о всякомъ рѣшеніи и заключеніи, къ какому приходилъ соборъ по тому или другому вопросу; что соборъ среди своихъ засѣданій требовалъ отъ царя дальнѣйшихъ указаній и распоряженій для веденія соборныхъ дѣлъ, и, какъ скоро получалъ ихъ, сейчасъ же приводилъ въ исполненіе; что посылаемые царемъ на соборъ его бояре, думные люди и дьяки, не просто только присутствовали на соборныхъ засѣданіяхъ, но и принимали въ нихъ непосредственное дѣятельное участіе, о чемъ прямо свидѣлствуютъ сами присутствовавшіе на соборѣ архіереи, когда въ своихъ соборныхъ дѣяніяхъ заявляютъ, что „тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы (т. е. архіереи) *соборнѣ съ бояриномъ и діаконъ слушали... и познали*“. Не трудно видѣть также, что царскіе сик-

1) Гиббенетъ т. II, стр. 1098.

лители, какъ довѣренныя лица государя, играли на соборахъ очень видную и вліятельную роль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были главною пружиною, двигавшего соборныя дѣла въ нужномъ опредѣленномъ направленіи, такъ какъ за ними всегда стоялъ самъ великій государь. Да и кромѣ того, имъ придавало необходимо особую силу на соборахъ ихъ предварительное близкое знакомство съ предметами соборныхъ засѣданій, какаго никакъ не могъ имѣть случайно вызванный въ Москву, для присутствія на соборѣ, заурядный провинціальный архіерей.

Что касается самыхъ соборныхъ постановленій и рѣшеній, то и онѣ составлялись по большей части въ духѣ желаній государя, и иногда въ этомъ отношеніи дѣло заходило такъ далеко, что, изъ угожденія предъ царемъ, соборъ дѣлалъ постановленія, рѣшительно несогласныя съ совѣстію и убѣжденіями отцовъ собора. Вотъ факты.

Въ 1572 году царь Иванъ Васильевичъ собралъ соборъ изъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего освященного собора, и просилъ разрѣшить ему вступить въ четвертый бракъ, какъ церковно-законный. Соборъ отвѣтилъ на это не законное, антицерковное требованіе царя, согласіемъ и постарался подыскать такія каноническія основанія, которыя будто бы дозволяютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, разрѣшить царю четвертый бракъ, какъ церковно-законный. А между тѣмъ еще очень недавно, — тому только двадцать лѣтъ назадъ, Стоглавый соборъ, подъ предсѣдательствомъ того же самаго царя постановилъ, чтобы четвертаго брака недопускать ни подъ какимъ видомъ, и чтобы, навсегда и неизбѣлемо утвердить это постановленіе, ссылаясь на слова Григорія Богослова: „первый рече (Григорій Богословъ) бракъ — законъ, второй—прощеніе, третій—законопреступленіе, четвертый—нечестіе, *понеже свинское есть житіе*“ ¹⁾). И это „свинское житіе“ теперь приходилось собору признать публично житіемъ церковно-законнымъ и допустимымъ для благочестивѣйшаго православнаго государя. Правда соборъ 1572 года въ своемъ разрѣшеніи государю вступить въ четвертый бракъ, какъ церковно-законный, сдѣлалъ такую прибавку: „а прочіи чловѣцы отъ мірскихъ, царскаго синклита и до

¹⁾ Стоглавъ, стр. 119—120. Изд. брат. св. Петра.

простыхъ, никакоже да не дерзнетъ таковая сотворити—четвертому браку сочетатися; аще кто, гордостію дмяся или отъ неразумія, дерзнетъ таковая сотворити, пригрознымъ клятвамъ да будетъ таковой за дерзость по священнымъ правиломъ проклятъ“ ¹⁾. Но эта приписка служить только еще къ большому обличенію малодушія и угодничества отцовъ собора 1572 года, которые очевидно вполнѣ сознательно, только ради страха предъ паремъ, нарушили ясные, вполнѣ опредѣленные ими самими признаваемые обязательными для всѣхъ церковные законы о не допустимости для всѣхъ православныхъ четвертаго брака ²⁾.

Лжедмитрій желалъ жениться на католичкѣ Маріи Мнишекъ, которая, что бы стать русскою царицею, должна была принять православіе. По тогдашнимъ русскимъ понятіямъ и существовавшей у насъ церковной практикѣ, католическое крещеніе не признавалось истиннымъ крещеніемъ, и всѣхъ католиковъ, обращавшихся въ православіе, у насъ обязательно перекрещивали, почему и Марія Мнишекъ должна была подвергнуться перекрещиванію. Понятно, что она не подъ какимъ видомъ не могла согласиться на это, т. е. признать себя доселѣ некрещенной. Что бы добиться ея присоединенія къ православію не перекрещиваніемъ, а только чрезъ миропомазаніе, Лжедмитрій поступаетъ такимъ образомъ: онъ заставляетъ русскихъ епископовъ поставить въ патріархи тогдашняго рязанскаго архіепископа грека Игнатія. Нужно имѣть въ виду, что тогдашняя греческая церковь присоединяла католиковъ къ православію чрезъ миропомазаніе, а перекрещиванія ихъ, какъ дѣйствія канонически неправиль-

1) А. Э. 1, № 284, стр. 331.

2) Нельзя думать, что бы отцы собора 1572 года считали возможнымъ изъ общаго правила о недопустимости четвертаго брака дѣлать исключеніе въ пользу государей, такъ какъ Стоглавъ, который имъ конечно хорошо былъ извѣстенъ, сказавъ о четвертомъ бракѣ, какъ о „свинскомъ житіи“, сейчасъ продолжаетъ: „премудрый царь Левъ и къ четвертому браку совокупилъ ся бѣше, и во отлученіе впаде отъ Николы патріарха, ему жъ много моляшеся царь, еже разрѣшити его отъ такового связанія. И яко онъ не умоленъ бысть, отъ церкви его изгна и внего паки мѣсто Евѣимья, мужа освященна, постави на патріаршество. И сему много моляшеся, еже разрѣшити его отъ такового связанія, — не токмо разрѣши его, но и отвержена и не прощена сотвори ради четвертаго брака, съ многжайшими святителями возбранивъ“.

наго, не допускала. Значить и грекъ Игнатій считалъ единственно правильнымъ присоединеніе Мнишекъ къ православію чрезъ миропомазаніе, а не перекрещиваніе. Ради именно этого Лжедмитрій поставилъ его въ патріархи т. е. что бы онъ, какъ патріархъ, заставилъ русскихъ епископовъ, въ дѣлѣ присоединенія Марины къ православію, слѣдовать не русской тогдашней, а греческой церковной практикѣ. И дѣйствительно, когда Марина пріѣхала въ Москву, Лжедмитрій собралъ соборъ изъ епископовъ, на которомъ „вмѣняетъ ей (Маринѣ), преокаянный, латынское богопротивное крещеніе во истинное святое христіанское купельное порожденіе“. На соборѣ грекъ патріархъ Игнатій, придерживаясь греческой тогдашней практики, отрицалъ законность и нужду перекрещиванія Марины. По одному современному событіямъ сказанію „не многи поистине“ сначала было заявили на соборѣ, отстаивая русскую церковную практику, что Марину слѣдуетъ крестить вновь. Но другіе—большинство изъ чело-вѣкоугодія, изъ за слабости къ мірской славѣ „на обою ногу болѣніемъ хромлюще, прельстишася; купножь не пастырски, но наемнически, и ужаснушася, воли его быти повинувшеся, попустиша. Зряще то и первыи умолкоша, яко словеса беззаконныхъ премогаша, и вси даша ему плещи“¹⁾. Такимъ образомъ епископы единственно, какъ объясняетъ современный событіямъ бытописатель, изъ челоукоугодничества, изъ слабости къ славѣ мірской, изъ страха предъ царемъ, отказались на соборѣ, вопреки своему убѣжденію, вопреки существовавшей тогда у насъ церковной практикѣ, отъ перекрещиванія Марины и присоединили ее къ православію чрезъ миропомазаніе.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ горячимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Онъ вѣрилъ, что отъ многогласія, тогда у насъ всюду господствовавшего, церковныя службы теряютъ всякую назидательность, спасительность и полезность для вѣрующихъ, и что такимъ образомъ многогласіемъ разрушается благочестіе на Руси. Въ виду этого 11-го февраля 1649 года онъ собралъ у себя „въ средней“ соборъ, на которомъ долженъ былъ

¹⁾ Временникъ, рукопись Флорисшевой пустыни, № 108—682, л. 165 об. и 166.

обсуждаться и рѣшаться вопросъ о введеніи единогласія вмѣсто прежняго многогласія. На этомъ соборѣ, кромѣ патріарха, присутствовали: два митрополита, три архіепископа, одинъ епископъ, пять архимандритовъ, семь игуменовъ, десять протопоповъ и освященный соборъ. Вопреки ожиданіямъ и намѣреніямъ царя, соборъ порѣшилъ остаться при прежнемъ многогласіи, что и подкрѣпилъ своими подписями подъ соборными дѣяніями. Голосъ представителей церкви по данному чисто церковному вопросу сказался, такимъ образомъ, ясно и опредѣленно, но зато онъ былъ не согласенъ съ убѣжденіями и намѣреніями царя, что и погубило соборъ. Царь не утвердилъ состоявшагося соборнаго постановленія о многогласіи въ церковномъ пѣніи и чтеніи, такъ что оно, не смотря на всю свою формально - каноническую правильность, не получило никакой практической силы и значенія, не стало закономъ. Но этого мало. Чрезъ два года царь заставилъ того же патріарха Іосифа снова пересмотрѣть этотъ вопросъ на новомъ соборѣ и рѣшить его такъ, какъ желалъ этого царь. И дѣйствительно на соборѣ 1651 года патріархъ Іосифъ, вопреки своему соборному постановленію въ 1649 году, рѣшилъ всюду уничтожить многогласіе и призналъ для всѣхъ обязательнымъ единогласіе. Это новое соборное постановленіе было признано царемъ и потому стало закономъ. Очевидно воля и желанія государя царили въ соборныхъ рѣшеніяхъ и по чисто церковнымъ вопросамъ.

Иногда государи дѣйствовали на церковныхъ соборахъ не такъ рѣшительно и круто, какъ въ указанныхъ выше случаяхъ, но достигали своихъ цѣлей средствами болѣе дипломатическими, такъ что со стороны казалось, что соборъ дѣйствуетъ вполнѣ свободно и самостоятельно, постановляетъ свое рѣшеніе не подъ внѣшнимъ давленіемъ, а по внутреннему убѣжденію, хотя въ дѣйствительности было далеко не такъ. Укажемъ два случая подобнаго образа дѣйствій государя на церковныхъ соборахъ.

Важнѣйшимъ событіемъ нашей церковной жизни XVII вѣка была извѣстная церковная реформа патріарха Никона. А между тѣмъ эта реформа произведена была, и потомъ окончательно утверждена и принята церковію, единственно благодаря усиліямъ и настояніямъ царя Алексѣя Михайловича, тѣмъ воздѣйствіямъ не только на отдѣльныхъ лицъ, но ина-

цѣльные соборы, какое онѣ оказывалъ. Безъ дѣятельнаго участія и одобренія царя, эта реформа была бы невозможна. Дѣло тутъ заключается въ слѣдующемъ. Церковная реформа, въ духѣ всецѣлаго сближенія во всемъ русской церкви съ тогдашнею греческою, была задумана и подготовлена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его ближайшимъ совѣтникомъ и руководителемъ — царскимъ, духовникомъ, благовѣщенскимъ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, съ нѣкоторыми другими лицами. Они, такъ сказать, воспитали и подготовили Никона къ роли церковнаго реформатора; намѣтили ему общую программу будущихъ реформъ, подготовили почву и средства для ея выполненія, и потомъ уже сдѣлали его патріархомъ ¹⁾. Понятно, при такихъ условіяхъ, что царь былъ искренно заинтересованъ въ успѣхѣхъ реформъ Никона и готовъ былъ оказывать ему въ этомъ дѣлѣ всякую поддержку. Рѣшительное значеніе для всей церковной реформы Никона имѣлъ соборъ 1654 года, на которомъ рѣшался принципиальный вопросъ: слѣдуетъ или нѣтъ признать наши церковныя книги, чины и обряды погрѣшившими, отступившими отъ старины, и потому требующими исправленія по греческимъ образцамъ? Видную главную роль на соборѣ игралъ Никонъ, но исходъ того или иного голосованія на поставленный вопросъ зависѣлъ отъ царя. Никонъ обратился къ собору съ рѣчью, въ которой указалъ на причины побудившія собрать соборъ, на тѣ вопросы, которые подлежали соборному разсмотрѣнію и рѣшенію. Въ оправданіе задуманной церковной реформы онъ сослался на постановленіе константинопольскаго собора объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, которое и прочелъ все собору. Затѣмъ указывая на нѣкоторыя русскія церковныя будто бы нововведенія Никонъ, обращаясь къ собору, спрашивалъ: „и о семъ прошу рѣшенія: новымъ-ли нашимъ печатнымъ Служебникамъ послѣдовати, или греческимъ и нашимъ, старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показываютъ? И ектеньи во святѣй литургіи сугубыя положены молебныя за многія прошенія, а въ греческихъ и нашихъ служебникахъ малыя: и о семъ како быти? На этотъ вопросъ Никона, говорить

¹⁾ Эти положенія будутъ подробно обоснованы въ особомъ изслѣдованіи, которое готовимъ къ печати.

соборное дѣяніе: „великій государь царь... преосвященные митрополиты, архіепископы, и епископъ... и священныя архимандриты и игумены... большого собора пречистыя Богородицы протопопъ... и весь освященный соборъ, *все едино отвѣщали*: достойно и праведно исправить противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ“. Итакъ, на соборѣ 1654 года царь первый подаетъ голосъ наравнѣ съ другими членами собора, и дѣлаетъ такой необычный для царя поступокъ конечно съ особою цѣлю: что бы предупредить со стороны собора возможность отрицательнаго отвѣта на поставленный Никономъ вопросъ. Расчетъ былъ вѣрный. Если самъ царь первый подаль голосъ въ смыслѣ необходимости совершить исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, то конечно ни одинъ архіерей, никакой другой членъ собора, не отважился дать отвѣтъ несогласный съ заявленнымъ государемъ; это значило бы открыто идти противъ ясно и публично выраженаго желанія царя. Очевидно голосъ государя подсказалъ отцамъ собора, что и какъ имъ слѣдуетъ отвѣчать на поставленный Никономъ вопросъ, и всѣ они дѣйствительно послѣдовали за царемъ, благодаря чему вопросъ о церковной реформѣ принципиально рѣшенъ былъ соборомъ такъ, какъ этаго желалъ царь.

Церковная реформа Никона, являвшаяся въ дѣйствительности осуществленіемъ плановъ государя, вызывала сильное неудовольствіе какъ среди архіереевъ и духовенства, такъ и среди народа. Непосредственный очевидецъ и внимательный наблюдатель церковно-реформаторской дѣятельности Никона, дьяконъ Павелъ Алепскій, сообщаетъ, что на соборѣ 1655 года Никонъ одобрилъ вновь исправленный съ греческаго Служебникъ, при чемъ говорилъ: „я самъ русскій и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія греческія. На это, рассказываетъ Павелъ, нѣкоторые изъ членовъ высшаго духовенства отвѣтили: вѣра дарованная намъ Христомъ, ея обряды и таинства, все это пришло къ намъ съ востока. Но другіе, замѣчаетъ Алепскій, такъ какъ во всякомъ народѣ бываютъ люди упрямые и не покорные,—молчали, скрывая свое неудовольствіе, и говорили про себя: не хотимъ дѣлать измѣненій ни въ нашихъ книгахъ, ни въ нашихъ обрядахъ и церемоніяхъ, принятыхъ нами изстари. Только эти недовольные, говоритъ Павелъ, не имѣли смѣлости говорить от-

крыто, зная, какъ трудно выдержать гнѣвъ патріарха, какъ поступилъ онъ съ епископомъ коломенскимъ, котораго сослалъ въ заточеніе¹⁾.—Когда Никонъ 21 декабря 1655 года, послѣ торжественной службы въ Успенскомъ соборѣ, въ виду всѣхъ перемѣнилъ русскій клобукъ на греческій; то, рассказываетъ Алепскій, бывшіе въ соборѣ епископы, игумены, священники и весь народъ подняли ропотъ и говорили: посмотрите какъ онъ перемѣнилъ архіерейскую одежду, которая, по внушенію Св. Духа, была предана св. Петромъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы сдѣлались христіанами. И земля не потрясется въ виду своевольныхъ дѣйствій того, кто доселѣ одѣвался по русски, а теперь сдѣлался грекомъ? Но, замѣчаетъ Павелъ, ропшущіе роптали тихо, боясь гнѣва государя¹⁾. Самъ Никонъ при оставленіи имъ патріаршей кафедры принужденъ былъ публично и съ горечью сознаться, что паства не понимала смысла и значенія его церковно-реформаторской дѣятельности, называла за нее Никона то иконоборцемъ, то еретикомъ, а когда онъ указывалъ на авторитетъ въ церковныхъ дѣлахъ восточныхъ патріарховъ, она хотѣла побить его камнями. Но вотъ Никонъ оставилъ патріаршій престолъ и окончательно разошелся съ царемъ. Съ паденіемъ Никона, казалось, должна была пасть и его церковная реформа. Такъ и думали и на такой исходъ крѣпко надѣялись всѣ защитники старины. Они создали очень быстро цѣлую противониконовскую литературу, въ которой подвергли самой строгой безпощадной критикѣ всю реформаторскую дѣятельность Никона, находя ее безусловно гибельной для русской церкви, для чистоты и не поврежденности русскаго православія. Царь постоянно получалъ отовсюду челобитныя съ настоятельными просьбами возстановить нарушенную Никономъ святую старину. Даже изъ среды епископовъ стали раздаваться голоса въ этомъ духѣ и казалось, что защитники старины дѣйствительно восторжествуютъ и реформа Никона, какъ не имѣвшая подъ собою твердой почвы въ общественномъ настроеніи, будетъ неминуемо уничтожена. Можетъ быть такъ бы и случилось, если бы не царь. Онъ, какъ мы сказали, былъ главнымъ виновникомъ

¹⁾ Архидіаконъ Павла Алепскаго: Путешествіе антїохійскаго патр. Марія въ Россію, переводъ съ арабскаго Муркоса.

церковной реформы Никона, онъ остался ея убѣжденнымъ горячимъ приверженцемъ и послѣ удаленія Никона, и не только не думалъ объ ея уничтоженіи, а на оборотъ: рѣшилъ торжественно и окончательно признать и утвердить ее голосомъ всей русской церкви.

Царь шелъ къ своей цѣли очень осторожно, но въ тоже время вѣрно. Прежде всего среди тогдашнихъ іерарховъ онъ приблизилъ къ себѣ такихъ лицъ, которые были несомнѣнными сторонниками реформы Никона, и готовы были проводить и отстаивать намѣренія и планы царя среди архіереевъ и духовенства вообще. Такими лицами были: Павелъ митрополитъ Крутицкій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій, Іоакимъ чудовскій архимандритъ, впослѣдствіи патріархъ. Черезъ нихъ царь проводилъ свои намѣренія и черезъ нихъ воздѣйствовалъ на другихъ архіереевъ. Подготовивъ почву царь; 29 апрѣля 1666 года, созываетъ на соборъ архіереевъ, но прежде открытія собора, на предсоборномъ собраніи, предлагаетъ имъ предварительно письменно, за собственноручною подписью cadaго, отвѣтитъ на слѣдующіе три вопроса: „*первое*: какъ намъ долженствуетъ исповѣдати святѣйшихъ греческихъ патріарховъ: константинопольскаго, александрійскаго, антїохійскаго и іерусалимскаго, аще они православни суть? *Второе*: книги греческія печатныя и древнія рукописныя, ихже святѣйшіе греческіе патріархи употребляютъ и понимаютъ все славословіе Божіе исполняютъ, и чины церковныя, како исповѣдати долженствуемъ? *Третье*: соборъ, бывшій въ богоспасаемомъ, преименитомъ, царствующемъ, великомъ градѣ Москвѣ, при благочестивѣйшемъ и богохранимомъ государѣ нашемъ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ, и царскаго пресвѣтлаго величества при всемъ его синклитѣ, подписанный священныхъ руками, какъ исповѣдати нынѣ намъ долженствуетъ, иже содѣяся въ царскихъ палатахъ въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ поплоти рождества Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ лѣто 1654-е? „Понятно само собою, что всѣ находившіеся въ предсоборномъ собраніи архіереи, архимандриты и игумены прекрасно знали, какой отвѣтъ на поставленные вопросы желаетъ получить царь, и что иного отвѣта, несогласнаго съ волею и жела-

ніемъ царя, имъ дать не возможно, тѣмъ болѣе что каждый изъ нихъ долженъ былъ дать свой письменный отвѣтъ въ отдѣльности отъ другихъ, за своею собственноручною подписью. Кромѣ того, относительно нѣкоторыхъ членовъ предсоборнаго собранія заранѣе было извѣстно, что они напишутъ свои отвѣты согласно съ желаніемъ царя, почему, при такихъ условіяхъ, охотниковъ проявить свое не согласіе съ государемъ конечно не нашлось. Такимъ образомъ всѣ важнѣйшіе члены собора, еще за два мѣсяца до открытія соборныхъ застѣданій, уже дали государю, каждый въ отдѣльности, письменное заявленіе, что тогдашнихъ греческихъ патріарховъ, ихъ печатныя и рукописныя книги они признаютъ вполне православными, точно такъ же признаютъ и соборъ 1654 года, рѣшившій произвести у насъ церковную реформу, т. е. еще до собора они уже письменно выразили полное согласіе на признаніе правильности всей произведенной Никономъ реформы ¹⁾. Предварительно заручившись этими письменными заявленіями всѣхъ важнѣйшихъ отцовъ предстоящаго собора царь, чрезъ два мѣсяца послѣ этого, открылъ соборъ, увѣренный, что онъ окончательно утвердитъ произведенную Никономъ церковную реформу. Но не смотря на такую увѣренность царь всетаки и на самомъ соборѣ предпринялъ особыя мѣры, что бы реформа была утверждена торжественно, и притомъ всѣми присутствовавшими на соборѣ, а не только тѣми, которые уже ранѣе дали ему свои подписи, предрѣшавшія вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Открывая соборъ, царь обратился къ нему съ рѣчью, въ которой заявлялъ, что онъ обрѣлъ въ своей царской сокровищницѣ „богодуховенную книгу, Хризовулъ имянованную“, подѣ которымъ онъ разумѣлъ то соборное дѣяніе константинопольской церкви, утверждавшее учрежденіе патріаршества на Руси, которое прислано было царю Ѳеодору Ивановичу, и между прочимъ заключало въ себѣ писанный по гречески символъ вѣры, послужившій основой для исправленія русскаго символа при Никонѣ. Этотъ самый „Хризовулъ“ былъ читанъ и Никономъ на соборѣ 1654 года въ видахъ оправданія его намѣренія исправить русскія церковныя книги по греческимъ. Теперь самъ царь сталъ читать со-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 35.

бору эту „богодухновенную книгу“, и когда дошелъ до заключающагося въ ней символа, то всталъ съ своего мѣста и прочелъ его стоя, послѣ чего обратился съ вопросомъ къ архіереямъ и бояромъ: „такъ-ли символъ святыи и прочія догматы понаписанному во Хризовулѣ держать?“. Когда новгородскій митрополитъ Питиримъ отъ лица собора отвѣтилъ: „такъ вѣримъ, такъ держимъ, яко же въ ней святѣйшіи четьри восточніи патріарси, написавше руками си и печатями утвердивше, прислаша, и яко же твое пресвѣтлое царское величество благоволи намъ во услышаніе всѣмъ прочести“,—тогда царь, „цѣловавъ символъ святыи въ Хризовулѣ, вручи и преосвященному собору, его, вси по чину цѣловавше архіереи, предаша благороднымъ бояромъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, ко еже цѣловати“. Это цѣлованіе символа, заключающагося въ Хризовулѣ, начатое самимъ государемъ и потомъ, по его предложенію, продолженное всѣми архіереями, присутствовавшими на соборѣ боярами, окольничими и думными людьми, служило торжественнымъ и очевиднымъ для всѣхъ согласіемъ всего собора съ своимъ предсѣдателемъ царемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ признаніемъ всею церковію правоты книжныхъ церковныхъ исправленій Никона. Значить, благодаря именно усиліямъ и настояніямъ государя церковная реформа Никона, не смотря на сильную оппозицію ей въ народѣ, духовенствѣ и среди самихъ архіереевъ, была наконецъ торжественно и окончательно признана всею русскою церковію. Послѣ этаго перваго засѣданія, окончательно порѣшившаго все дѣло о реформѣ, на послѣдующихъ соборныхъ засѣданіяхъ царь болѣе не присутствовалъ.

Такимъ образомъ весь процессъ выработки соборныхъ рѣшеній и постановленій всегда находился въ прямой или косвенной зависимости отъ государя, и въ большинствѣ случаевъ служилъ выраженіемъ царскихъ намѣреній и желаній въ сферѣ церковныхъ дѣлъ. То же нужно сказать и объ окончательныхъ постановленіяхъ соборовъ, получавшихъ потомъ силу закона.

Всѣ соборныя обсужденія, мнѣнія и рѣчи записывались на соборахъ особыми лицами и, на основаніи этихъ записей, составлялись потомъ такъ называемыя „соборныя дѣянія“. Нероновъ заявлялъ на соборѣ: „азъ же говорилъ Андреяну

протопоцу: что ты, братъ Андреяне, мои рѣчи пишешь не всѣ (всѣ?); а что вы говорите съ патріархомъ всякія не подобныя рѣчи, и тѣхъ не единой рѣчи не пишешь? ¹⁾. Въ постановленіи собора 1660 года о суздальскомъ архіепископѣ Стефанѣ замѣчено: „а приписалъ (писалъ соборное постановленіе) смиренный Іларіонъ, архіепископъ рязанскій и муромскій, по приговору всего священнаго собора“, т. е. Іларіонъ рязанскій былъ избранъ соборомъ своимъ секретаремъ и велъ всѣ соборныя записи. На соборномъ судѣ надъ Никономъ въ 1666 году было нѣсколько человѣкъ, которые записывали каждый все, что дѣлалось и говорилось на соборѣ; нѣсколько такихъ записей въ черновомъ видѣ дошли до насъ. Обработка соборныхъ матеріаловъ, извлеченіе изъ нихъ нужныхъ постановленій, требовало иногда много времени, а иногда и прямо творчества со стороны тѣхъ лицъ, которымъ царь поручалъ составить соборныя дѣянія. Возьмемъ, напримѣр, соборъ 1666—1667 года, составить дѣянія котораго царь поручилъ извѣстному Симеону Полоцкому. Послѣдній, предъ официальными дѣяніями собора, сначала помѣщаетъ сочиненное имъ очень витѣватое и довольно безсодержательное „сказаніе о святомъ соборѣ повелѣніемъ благочестивѣйшаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, въ царствующемъ преименіи и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ на новоявльшіяся раскольники и мятежники святыя православно католическія церкви совокупленномъ въ лѣто 7174“. Помѣстивъ сочиненное имъ сказаніе, Полоцкій переходитъ затѣмъ къ изложенію самыхъ соборныхъ дѣяній. Такъ какъ соборныя засѣданія были открыты рѣчью царя къ собору, то онъ прежде всего помѣщаетъ: „Слово великаго царя ко освященному собору“. Но здѣсь сейчасъ же онъ дѣлаетъ такую любопытную замѣтку: „здѣ написать рѣчь великаго государя, или, доложивъ его великаго государя, сію послѣдующую“ т. е. Полоцкій попросту самъ сочиняетъ рѣчь отъ лица государя и, съ доклада государю, помѣщаетъ ее, какъ царскую рѣчь, въ соборныя дѣянія. Въ отвѣтъ на обращеніе царя къ собору, отъ лица послѣдняго, говорилъ новгородскій митро-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. 1, стр. 50.

полить Пителимъ. И опять у Полоцкаго такая тутъ помѣта: „здѣсь рѣчь преосвященнаго митрополита написати, или, вмѣсто ея, сей отвѣтъ“, и спокойно свое сочиненіе вносить въ текстъ соборныхъ дѣяній, выдавая его за отвѣтъ государю Пителима. Иногда государь, находя соборное рѣшеніе вопроса несогласнымъ съ его собственными взглядами и убѣжденіями, относился къ нему прямо отрицательно т. е. не утверждалъ его, какъ это было, на примѣръ, съ соборнымъ дѣяніемъ 1649 года о единогласіи. Иногда только нѣкоторыя отдѣльныя дѣянія соборовъ царь считалъ не удобнымъ предавать оглашенію, и тогда онѣ совѣмъ вычеркивались изъ официальныхъ соборныхъ дѣяній, какъ не бывшія. Такъ, на примѣръ, на соборѣ 1667 года, въ теченіи нѣсколькихъ засѣданій горячо обсуждался вопросъ о власти царской и патріаршей, причемъ русскіе архіереи очень единодушно и настойчиво проводили ту мысль, что священство выше царства, тогда какъ греческіе архіереи наоборотъ усиливались доказать, что царство выше священства. Въ официальныхъ соборныхъ дѣяніяхъ 1667 года объ этихъ засѣданіяхъ нѣтъ и намѣка,—онѣ вычеркнуты были государемъ какъ очень непріятныя для него. Иногда государь даже собственноручно вносилъ поправки въ состоявшіяся соборныя постановленія. Такъ на постановленіи собора 1660 года, о низложеніи Никона съ патріаршаго престола, встрѣчается такая помѣта: „правлено рукою государя“.

Когда соборное дѣяніе, просмотрѣнное и исправленное государемъ, согласно его желаніямъ и цѣлямъ, получало свой окончательный официальный видъ, на основаніи его царь учинялъ опредѣленіе“ т. е. соборнымъ опредѣленіямъ придавалъ форму закона, обязательнаго для всѣхъ, причемъ не рѣдко самъ въ формѣ указовъ разсылалъ соборныя опредѣленія въ разныя учрежденія.

Такимъ образомъ тѣ или другія постановленія церковныхъ соборовъ XVI XVII столѣтій были результатомъ довольно длиннаго процесса, въ которомъ главная заправляющая роль принадлежала государю. Этотъ указанный нами процессъ выработки постановленій церковныхъ соборовъ особенно ясно и опредѣленно выраженъ въ обращеніи Федора Алексѣевича къ собору 1682 года. Царь письменно передалъ этому собору рядъ вопросовъ съ тѣмъ“, чтобы о тѣхъ дѣлахъ ве-

ликій господинъ, святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Руси, съ преосвященными митрополиты и со архіепископы совѣтывали, а что усовѣтуютъ, о томъ великому государю объявили, чтобъ всѣмъ тѣмъ дѣламъ опредѣленіе учинить нынѣ, прежь архіерейскаго отпуску съ Москвы“. Въ приведенныхъ словахъ государя очень ясно опредѣлены тѣ стадіи, чрезъ которыя проходили соборныя дѣянія, именно: царь предлагаетъ отъ себя вопросы, которые должны порѣшить члены собора, совѣтуясь между собою, а что „усовѣтуютъ“, т. е. къ какому рѣшенію придуть отцы собора, они должны доложить государю, который, на основаніи представленнаго ему доклада, „по тѣмъ всѣмъ дѣламъ опредѣленіе учинить“, т. е. придастъ соборнымъ постановленіямъ форму закона, обязательную для всѣхъ, и уже подъ этимъ окончательнымъ опредѣленіемъ должны будутъ подписаться всѣ присутствовавшіе на соборѣ архіереи, прежде чѣмъ они разѣдуются изъ Москвы.

Иногда соборныя постановленія получали силу закона и приводились въ исполненіе не иначе, какъ только послѣ того, какъ онѣ проходили чрезъ боярскую думу, на разсмотрѣніе и утвержденіе которой передавалъ ихъ царь, прежде чѣмъ утвердить ихъ окончательно. Такъ въ дѣяніяхъ собора 1580 года, запретившаго архіереямъ и монастырямъ приобрѣтать новыя земли, говорится: „а которое мѣсто убогое, земли будетъ мало, или не будетъ, и онъ (монастырь) бьетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ соборнъ и съ бояры приговоря, и устроить тотъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже“, т. е. соборный приговоръ предполагается приводить въ исполненіе только послѣ того, какъ онъ пройдетъ чрезъ боярскую думу ¹⁾.—Еще въ 1551 году Стоглавый соборъ постановилъ повсюду учредить должности поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ. Но только въ 1594 году царь Ѳеодоръ Ивановичъ „поговоря съ отцомъ своимъ и богомольцомъ святѣйшимъ Іовомъ патріархомъ московскимъ и всеа Руси, приговоря съ своими государевыми бояры, а велѣлъ государь... въ своемъ государствѣ—царствующемъ градѣ Москвѣ учинити старостъ поповскихъ и десятскихъ для церковнаго благочинія и всякихъ ради потребъ церков-

¹⁾ Собр. госуд. гр. и дог. т. 1, стр. 585.

ныхъ“ ¹⁾. Опять постановленіе церковнаго собора приводится въ исполненіе только послѣ приговора объ этомъ боярской думы.—Въ 1651 году соборъ постановилъ во всѣхъ церквахъ ввести единогласное пѣніе и чтеніе. Но постановленію этого собора рѣшительно воспротивились нѣкоторые московскіе священники думавшіе, что соборное постановленіе о единогласіи для нихъ не обязательно, не имѣетъ силы закона, такъ какъ на соборѣ не было бояръ и окольничихъ, и оно не проходило чрезъ боярскую думу. „Лукинскій попъ Сава съ товарищи говорилъ такія рѣчи: мнѣ-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи бояромъ и околничимъ: любо-де имъ будетъ единогласіе?“ ²⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ это требованіе московскихъ приходскихъ священниковъ о томъ, чтобы постановленіе церковнаго собора сначала прошло чрезъ боярскую думу, а потомъ уже проводилось въ исполненіе какъ законъ, нашелъ вполне справедливымъ, и потому соборное постановленіе о единогласіи провелъ чрезъ боярскую думу. Въ своей грамотѣ отъ 25 мая 1651 года въ Сійскій монастырь, игумену Θεодосію, царь пишетъ, что онъ, „совѣтовавъ“ съ патріархомъ, архіереями, архимандритами, игуменами, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ „и со всѣмъ нашимъ сигклитомъ“, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ „и сънашимъ сигклитомъ уложимъ“, чтобы пѣть во святыхъ церквахъ единогласно, чинно и не мятежно, и чтобы всѣ неуклонно слѣдовали сему нашему государьскому и отца нашего великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всеа Русіи и всего освященнаго собора „и нашего сигклита соборному уложению“ ³⁾. Это неоднократное упоминаніе въ царской грамотѣ, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, и „царскаго сигклита“, заявившаго свое согласіе на введеніе единогласія, сдѣлано государемъ конечно не просто: оно показываетъ, что въ виду требованія московскаго приходскаго духовенства, чтобы „къ выбору о единогласіи напередъ приложили руки бояре и околничіе: любо-ли де имъ будетъ единогласіе?“—царь пере-

¹⁾ А. Э. т. I, № 360.

²⁾ Записки рус. археол. общ. т. II, стр. 394—396.

³⁾ А. Э. т. IV, № 327.

далъ соборное рѣшеніе о единогласіи на утвержденіе своей боярской думы, которая вполнѣ согласилась по вопросу о единогласіи съ состоявшимся ранѣе соборнымъ рѣшеніемъ.— Въ 1656 году, въ октябрѣ, патріархъ Никонъ, съ согласія государя, собралъ у себя соборъ, который постановилъ открыть новыя архіерейскія каѳедры въ Смоленскѣ и Вяткѣ, и на первую перевести суздальскаго архіепископа Филарета, а на вторую Коломенскаго епископа Александра ¹⁾. Между тѣмъ ровно черезъ годъ, въ 1657 году, тоже въ октябрѣ, государь „совѣтовалъ со отцемъ своимъ и богомольцомъ святѣйшимъ Никономъ, патріархомъ московскимъ и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы, и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми бояры, и съ околничими, и думными людьми, чтобъ устроить по мѣстамъ властей: въ Бѣлѣгородѣ митрополита, въ Смоленскѣ да во Мстиславлѣ архіепископа, на Вяткѣ да въ Великой Перми епископа. И указалъ государь и патріархъ и бояре приговорили: перевести въ Бѣлгородъ митрополита крутицкаго Питирима, въ Смоленскѣ архіепископа суздальскаго Филарета, на Вятку епископа коломенскаго Александра ²⁾. Очевидно, постановленія одного церковнаго собора 1656 года объ открытіи новыхъ архіерейскихъ каѳедръ было еще недостаточно, нужно было потомъ перенести дѣло въ боярскую думу и рѣшить его окончательно уже въ слѣдующемъ 1657 году по указу государя и по приговору бояръ.—Когда въ 1660 году соборъ представилъ государю свое рѣшеніе, что Никонъ не можетъ болѣе оставаться патріархомъ и на его мѣсто немедленно слѣдуетъ избрать другое лицо, то говоритъ соборное дѣяніе, „онъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, *разсуждая премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ съ своимъ царскимъ сигглитомъ, повелѣлъ тако быти... и соборное сіе писаніе совершити и руками всему освященному собору подкрѣпити въ соборной и апостольской церквѣ при себѣ, великомъ государѣ... и при своемъ царскомъ сигглитѣ*“. Очевидно соборное рѣшеніе 1660 года царь перенесъ на разсмотрѣніе боярской думы

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. 1, стр. 9.

²⁾ Дворцовые разряды, дополн. къ III тому, стр. 110.

и только послѣ того, какъ съ своимъ царскимъ синклитомъ „премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ“ обсудилъ представленное ему соборное дѣяніе, повелѣлъ его совершить т. е. написать окончательно, а членамъ собора приложить къ нему свои руки въ присутствіи его, государя, и всего царскаго синклита.

Если намъ извѣстны случаи, когда постановленія церковныхъ соборовъ передавались царемъ на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе ихъ боярскою думою, то были и такія случаи, когда чисто церковное дѣло сначала рѣшалось только царемъ вмѣстѣ съ боярскою думою, а потомъ уже состоявшееся постановленіе передавалось на церковный соборъ, который только церковно долженъ былъ оформить то, что ранѣе рѣшено было царемъ и думою. Такъ, напримѣръ, было у насъ съ учрежденіемъ патріаршества. Въ официальномъ разсказѣ объ этомъ событіи прямо и рѣшительно заявляется, что мысль объ учрежденіи у насъ патріаршества въ первый разъ высказывается царемъ, который, посовѣтовавшись съ своею царицею, сообщаетъ затѣмъ свое рѣшеніе—учредить въ Москвѣ патріаршество, не собору русскихъ іерарховъ, какъ бы можно было ожидать, а боярской думѣ, которая обсудивъ это дѣло, одобрила намѣреніе царя. Заручившись согласіемъ думы, государь поручаетъ вести переговоры объ этомъ дѣлѣ, съ пріѣхавшими въ Москву атіохійскимъ патріархомъ, члену думы—Борису Годунову. Когда затѣмъ въ Москву въ 1588 году пріѣхалъ за милостынею константинопольскій патріархъ Іеремія, царь опять посовѣтовавшись съ своею царицею и поговоря съ боярами, рѣшилъ свою мысль—объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества немедленно привести въ исполненіе, причемъ для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ съ патріархомъ Іеремію назначилъ только членовъ боярской думы: Бориса Годунова и дьяка Андрея Щелканова. И уже послѣ того, какъ вопросъ объ учрежденіи патріаршества былъ улаженъ окончательно, когда уже намѣчено было и лицо, предназначенное сдѣлаться первымъ патріархомъ московскимъ, собранъ былъ наконецъ, 17 января 1589 года, церковный соборъ, которому царь объяснилъ ходъ всего дѣла объ учрежденіи у насъ патріаршества и предложилъ митрополиту Іову посовѣщаться съ отцами собора: „какъ бы Богъ далъ, такое великое и преслав-

ное дѣло въ Россіи устроилось“. На это предложеніе государя отцы собора нашли возможнымъ отвѣтить только такимъ смиреннымъ заявленіемъ, „что они полагаются на волю его—благочестивѣйшаго государя“. Очевидно, что патріаршество у насъ было учреждено только царемъ совмѣстно съ боярскою думою, безъ всякаго видимаго дѣйствительнаго участія въ немъ духовныхъ властей. На церковный соборъ дѣло передаво было вполнѣ рѣшеннсе, и передано не для какого-либо соборнаго обсужденія и принятія какихъ-либо рѣшеній по дѣлу, а съ единственною цѣлю придать ему, какъ дѣлу церковному, необходимый для него формальный церковный характеръ.

Вообще нужно признать, что боярская дума въ церковныхъ дѣлахъ играла болѣе видную роль, нежели обыкновенно думаютъ, такъ какъ она то входила въ составъ церковныхъ соборовъ, то окончательно утверждала состоявшіяся постановленія, тѣмъ болѣе, что царь и о всякихъ вообще церковныхъ дѣлахъ совѣтывался съ своими боярами. По поводу, напримѣръ, неожиданнаго пріѣзда въ Успенскій соборъ Никона и принятія у него благословенія ростовскимъ митрополитомъ Іоною, государь „совѣтовавъ со властью, *а съ бояры поговоря*“ указалъ о пріѣздѣ Никона и принятіи отъ него благословенія Іоною, послать съ архіереямъ грамоты, приглашавшія ихъ въ Москву на соборъ. Потому же поводу царская грамота говоритъ: и посовѣтовавъ съ освященнымъ соборомъ, *и поговоря съ нашими*, великаго государя, *бояры*, посылали въ соборную церковь“. Или: „и мы, великій государь, посовѣтовавъ со властью, *и съ бояры нашими поговоря*, указали ему, Никону, сказать“ ¹⁾.

Если, такимъ образомъ, царь являлся инициаторомъ всѣхъ церковныхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій, и безъ его воли и согласія они не могли состояться; если онъ подготовлялъ напередъ всѣ матеріалы, которые должны были быть предметомъ соборныхъ обсужденій и рѣшеній; если онъ опредѣлялъ сколько лицъ и какія именно должны присутствовать на соборныхъ засѣданіяхъ, слѣдилъ за дѣятельностію послѣднихъ, давалъ имъ то или другое направленіе; если онъ исправлялъ и даже видоизмѣнялъ самыя соборныя рѣ-

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 164, 166, 167.

шенія по своимъ видамъ и цѣлямъ, иногда передавалъ ихъ на окончательное утвержденіе боярской думы; если всякое постановленіе церковнаго собора, чтобы получить силу обязательнаго закона, нуждалось въ утвержденіи царя, который всегда могъ не признать состоявшагося постановленія церковнаго собора и оно тогда уже не имѣло никакого практическаго значенія; то самъ собою возникаетъ вопросъ: что же такое были наши церковные соборы XVI и XVII столѣтій?

Наши церковные соборы XVI и XVII столѣтій не были какими-либо самостоятельными, автономными церковными учрежденіями, которымъ бы принадлежала инициатива своихъ собраній, самостоятельное опредѣленіе предметовъ своихъ занятій, задачъ и цѣлей, какія они хотѣли бы преслѣдовать, и которые имѣли бы право свободно и самостоятельно постановлять свои рѣшенія, какъ обязательныя для всѣхъ своихъ пасомыхъ.

Наши церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій были только простыми *совѣщательными* учрежденіями при особѣ государя, они были только органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ. Единственнымъ источникомъ всякаго закона, какъ государственнаго, такъ и церковнаго, былъ у насъ царь, который государственные законы издавалъ „поговоря“ съ своими боярами т. е. съ боярскою думою; церковные законы издавалъ „посовѣтывавшись“ съ своими царскими богомольцами; патріархами и другими архіереями, архимандритами, игуменами и совсѣмъ освященнымъ соборомъ. Различіе между боярскою думою и освященнымъ соборомъ заключалось въ томъ, что боярская дума была постояннымъ, непрерывно дѣйствующимъ при государѣ учрежденіемъ, тогда какъ церковные соборы созывались только на время, для обсужденія и рѣшенія вопросовъ вновь возникавшихъ и чрезвычайныхъ, такъ какъ обычное теченіе церковныхъ дѣлъ регулировалось обычною патріаршею и архіерейскою епархіальною властію. Если боярская дума занималась почти исключительно разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ государственныхъ, то церковные соборы занимались разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ специально церковныхъ. Но такъ какъ дѣла государственныхъ и церковныхъ въ тогдашней жизни были тѣсно связаны между собою,

и такъ какъ въ боярской думѣ и на церковныхъ соборахъ предсѣдательствовали одинъ и тотъ же государь, то онъ, при рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ, призывалъ на совѣтъ въ боярскую думу своихъ государевыхъ богомольцевъ, а на церковные соборы своихъ думныхъ людей, или же передавалъ постановленія церковныхъ соборовъ на утвержденіе боярской думы. Бывали, какъ мы видѣли, и такіе случаи, что государь съ своею думою рѣшалъ и спеціально церковные вопросы и потомъ, состоявшееся рѣшеніе, въ видахъ придать ему церковную форму, передавалъ на церковный соборъ, который и утверждалъ то, что ранѣе рѣшено было царемъ съ боярскою думою.

Такъ какъ церковные соборы были только совѣщательными учрежденіями при государѣ, съ которыми государь совѣщавался по дѣламъ церковнымъ, то этимъ вполне опредѣляется весь существенный характеръ дѣятельности соборовъ. Московскіе государи были глубоко благочестивы, всецѣло преданы церкви, они всячески старались и заботились, чтобы ихъ подданные строго хранили благочестіе, соблюдали всѣ церковные уставы, выполняли всѣ церковныя требованія и предписанія. Въ упадкѣ благочестія, въ несоблюденіи церковныхъ признанныхъ порядковъ и требованій, они видѣли не только нарушеніе правилъ вѣры и благочестія, но и пагубное потрясеніе коренныхъ основъ всей жизни государственной, которая правильно-нормально можетъ существовать и развиваться только при правильной нормальной церковной жизни,—при процвѣтаніи въ народѣ правой вѣры истиннаго благочестія. Въ виду этого государи, созывая церковный соборъ и предлагая на обсужденіе его тѣ или другіе вопросы, ставили отцамъ собора первою и непремѣнною обязанностію, чтобы вопросы были разсматриваемы и рѣшаемы на соборѣ, какъ этого требуетъ божественный законъ т. е. правила св. апостолъ, св. отецъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, церковные уставы и другія признаваемые церковію узаконенія. Соборъ всѣ свои постановленія обязательно долженъ былъ обосновать на этихъ указанныхъ основахъ, обязательно долженъ былъ такъ или иначе подвести ихъ подъ принятыя церковныя нормы и правила, чтобы такимъ образомъ ничѣмъ не нарушить божественнаго закона. Въ такой постановкѣ, въ такомъ веденіи дѣла и за-

ключалась собственно задача церковнаго собора. Какъ скоро соборъ это сдѣлалъ, т. е. показалъ, что его обсужденія и рѣшенія вопроса дѣйствительно основаны на божественномъ законѣ, вполне согласны съ нимъ, а не есть результатъ личнаго усмотрѣнія, домышленія или творчества отцовъ собора,—роль собора была кончена, онъ выполнилъ свое назначеніе, и отъ государя уже зависѣло далѣе придать или не придать рѣшеніямъ собора окончательную форму обязательнаго закона, почему, напримѣръ, Стоглавый соборъ въ своихъ постановленіяхъ выражается о себѣ: „по данной намъ отъ Бога власти и царскимъ совѣтомъ соборнѣ повелѣхомъ“, такъ что одна данная отъ Бога власть, безъ царскаго совѣта, немогла составить соборнаго повелѣнія. Въ виду этаго наши русскіе соборы никогда не употребляли въ своихъ постановленіяхъ формулы: „изволися Духу Святому и намъ“. Правда было въ этомъ отношеніи одно исключеніе. Когда ярославскій митрополитъ Іона принималъ, въ 1664 году, отъ Никона благословеніе въ Успенскомъ соборѣ, царь по этому случаю немедленно созвалъ тогда изъ бывшихъ въ Москвѣ архіереевъ соборъ; Павла митрополита сарскаго, Паисія газскаго, Козмы амасійскаго, Макарія гревенскаго, Θεодосія сербскаго и Нектарія архіепископа погорянинскаго. Этотъ соборъ свое постановленіе формулировалъ: „обаче убо изволися Духу Святому и намъ, нѣкое снисхожденіе сотворити“... Тотъ же соборъ, разрѣшая царю принимать благословеніе отъ ростовскаго митрополита Іоны, выражается: „суди же Духъ Святыи и мы, яко мочно есть“ ¹⁾... Но не трудно видѣть, что на этомъ соборѣ, изъ шести присутствовавшихъ архіереевъ, русскій былъ только одинъ, а остальные пять всѣ иностранцы, которые и употребляли не свойственную русскимъ соборамъ формулу: „изволися Духу Святому и намъ“, „суди Духъ Святыи и мы“. Русскіе архіереи отлично знали, что они призывались царемъ на соборъ не для того, чтобы рѣшать на немъ дѣла по вдохновенію или, что имъ „изволися“, а только на основаніи точнаго и опредѣленнаго божественнаго закона, ни отступать отъ котораго, ни видоизмѣнять его, ни тѣмъ болѣе передѣлывать, они не

¹⁾ Стоглавъ, стр. 78. Изд. брат. Св. Петра. Дѣло о Никонѣ, стр. 162—163.

имѣли никакого права; они хорошо знали, что относительно соборныхъ постановленій все рѣшить въ концѣ воля и усмотрѣніе благочестивѣйшаго государя, а не ихъ вдохновеніе. Поэтому, конечно, и самымъ постановленіямъ нашихъ церковныхъ соборовъ никогда не придавалось характера непогрѣшимости и неизмѣняемости, въ нихъ не видѣли акта непосредственнаго дѣйствія Св. Духа, а обычныя церковно-государственныя постановленія, опиравшіяся и находившія свое оправданіе въ божественномъ законѣ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что наши церковные соборы представляли изъ себя, такъ сказать, собраніе свѣдущихъ людей или экспертовъ по вопросамъ церковнымъ, объясняется почему государи, призывая архіереевъ на соборъ, не только, иногда, предписывали имъ являться съ искусными т. е. болѣе свѣдущими и образованными иноками,¹⁾ но и сами заботились и предпринимали мѣры, чтобы на соборѣ были люди свѣдующіе въ дѣлахъ вѣры, благочестія, въ знаніи и толкованіи церковныхъ правилъ и постановленій, люди могущіе дать собору нужныя разъясненія и указанія отъ божественнаго закона. Такъ въ 1554 году царь Иванъ Васильевичъ пишетъ нарочитое посланіе къ Максиму греку, приглашая его явиться въ Москву на соборъ, собранный на Матвѣя Башкина. „Да будеши и ты, пишетъ царь Максиму, поборникъ по православіи, яко же первіи богоносніи отцы, такожь и ты покажешися благочестію ревнитель, и тая жъ ты небесныя обители пріимуть, яже и онѣхъ, иже подвижавшеся за благочестіе... Явись симъ (древнимъ св. отцамъ) споспѣшникъ и ревнитель по благочестіи, и данный ти отъ Бога талантъ умножи, и ко мнѣ писаніе пришли на нынѣшнее злодѣйство“²⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ пригласилъ на соборъ 1660 года извѣстнаго ученаго Епифанія Славинецкаго, поручилъ ему составленіе соборнаго дѣянія вмѣстѣ съ провѣркою правильности ссылокъ собора на тѣ или другія церковныя правила. И когда Епифаній доложилъ государю, что ссылки бывшихъ на соборѣ греческихъ архіереевъ на греческія правила не справедливы, въ чемъ онъ убѣдился сличивъ текстъ правила, приведеннаго греческими

¹⁾ А. Э. т. IV, № 140.

²⁾ А. И. т. 1, № 161.

архіереями, съ подлинникомъ, въ которомъ это правило читается иначе, государь придалъ заявленію ученаго Епифанія такое значеніе, что не утвердилъ дѣяній собора 1660 г. и перенесъ дѣло о Никонѣ на разсмотрѣніе другаго—большаго Собора.—На соборъ 1667 года государь пригласилъ извѣстнаго Симеона Полоцкаго, которому и поручилъ составить самое соборное дѣяніе. Царь сильно также дорожилъ Паисіемъ Лигаридомъ и часто приглашалъ его на соборы и именно потому, что видѣлъ въ немъ человѣка свѣдущаго, ученаго, научными знаніями котораго по церковнымъ предметамъ онъ можетъ воспользоваться для своихъ цѣлей, что и было въ дѣйствительности. Эти лица, какъ люди научно-образованные, несомнѣнно имѣли на соборахъ очень большое и дѣйствительное вліяніе, къ ихъ голосу и заявленіямъ прислушивались царь и всѣ члены собора, такъ что на направление и характеръ соборной дѣятельности они могли имѣть очень сильное вліяніе, тѣмъ болѣе что отъ нихъ, отъ ихъ научнаго и литературнаго таланта, иногда очень много зависѣло и самое составленіе соборнаго дѣянія въ томъ или другомъ видѣ.

Такимъ образомъ, если по идеѣ церковнаго собора его главными строителями и дѣятелями должны бы быть прежде всего епископы, какъ носители высшей іерархической благодати, высшей церковной власти и какъ представители всѣхъ пасомыхъ, то въ дѣйствительности это дѣло стояло у насъ далеко не такъ. Въ дѣйствительности нашимъ архіереямъ на соборахъ XVI и XVII столѣтій принадлежала самая скромная, малодѣятельная и вліятельная роль. Они являлись на соборъ во все не потому, что у нихъ самихъ, или въ средѣ ихъ паствы, назрѣвала настоятельная потребность соборно обсудить и порѣшить тѣ или другіе выдвинутые жизнью церковные вопросы, а единственно потому, что явиться на соборъ имъ приказывалъ царь, и они не смѣли ослушаться его приказанія, такъ что они являлись на соборъ только въ силу своего официальнаго положенія, а не по своимъ внутреннимъ влеченіямъ и убѣжденіямъ, или какъ представители голоса, нужды и интересовъ своей паствы. Являясь изъ своихъ епархій на соборъ, они совсѣмъ не были подготовлены къ рѣшенію соборныхъ вопросовъ, которые ранѣе не были имъ извѣстны, а если и были извѣстны, то въ самыхъ общихъ

и неопредѣленныхъ чертахъ. На соборѣ имъ давался уже готовый, опредѣленный и болѣе или менѣе обработанный предсоборною комиссіею матеріалъ, надъ которымъ и только въ предѣлахъ котораго они могли оперировать во время соборныхъ засѣданій, при чемъ въ работахъ ими руководили лица, ранѣ назначенныя царемъ и несравненно лучше и больше ихъ знавшія все относившееся къ предмету соборныхъ обсужденій. Они не смѣли возбуждать на соборѣ какихъ либо новыхъ—своихъ вопросовъ, не смѣли расширять и рамки тѣхъ вопросовъ, которые имъ были поставлены; всѣ ихъ разсужденія должны были вращаться только въ тѣхъ предѣлахъ, какіе строго и опредѣленно были указаны заранѣе царемъ. О каждомъ своемъ рѣшеніи и постановленіи по тому или другому вопросу они должны были доносить царю и отъ него ждать дальнѣйшихъ указаній и распоряженій, такъ что вся ихъ соборная дѣятельность совершалась подъ постояннымъ бдительнымъ контролемъ государя, или поставленныхъ имъ для этаго нарочитыхъ лицъ. Дѣлая тѣ или другія соборныя постановленія и рѣшенія, архіереи не имѣли въ тоже время полной увѣренности, что ихъ соборныя постановленія получаютъ силу закона, будутъ проведены въ жизнь, такъ какъ это зависѣло исключительно отъ воли и усмотрѣнія государя, который могъ видоизмѣнить соборныя постановленія и даже совсѣмъ не согласиться съ ними, не одобрить ихъ и не утвердить, и тогда они уже не имѣли никакой дѣйствительной силы и значенія,—собора тогда какъ бы и не существовало.

При указанныхъ условіяхъ конечно не возможно ожидать, чтобы наши іерархи могли проявить на соборахъ какую-либо свою инициативу, свое личное отношеніе къ современному имъ положенію церковныхъ дѣлъ,—стѣсненные во всемъ и совсѣхъ сторонъ, они по необходимости двигались только по указанному имъ пути, казенно-канцелярски дѣлали порученное имъ дѣло; присутствуя на соборѣ, они только отбывали лежавшую на нихъ неизбѣжную повинность, а не дѣлали здѣсь своего личнаго, сердечнаго, живого дѣла. Правда, мы имѣемъ одинъ случай, когда наши архіереи отважились, по собственной инициативѣ, возбудить и обсуждать на соборѣ вопросъ, не поставленный царемъ и для него непріятный; и

другой случай, когда архіереи просили царя снять съ соборныхъ обсужденій одинъ предложенный имъ проектъ.

Первый случай состоялъ въ слѣдующемъ; на соборѣ 1667 года два русскихъ архіерея—крутицкій митрополитъ Павелъ и рязанскій архіепископъ Иларіонъ, самые видные тогдашніе церковные дѣятели, и доселѣ бывшіе самыми усердными проводниками въ церковной жизни царскихъ предначертаній и, къ тому же, лично враги Никона, не ожиданно отказались на соборѣ подписаться подъ осужденіемъ Никона на томъ основаніи, что тамъ (въ сужденіи Никона) приводятся такія опредѣленія восточныхъ патріарховъ, которыя окончательно узаконяютъ рѣшительное преобладаніе свѣтскихъ властей надъ духовными, лишая послѣднихъ даже и тѣни какой бы то ни было самостоятельности. Въ прошеніи восточнымъ патріархамъ, присутствовавшимъ на соборѣ, Павелъ и Иларіонъ заявляли: „вы (восточные патріархи) находясь подъ насильственнымъ владычествомъ христоненавистныхъ агарянъ, за свое терпѣніе и страданіе, несомнѣнно имѣете получить награду и вѣнецъ отъ праведнаго мздовоздаятеля и вѣнценосца Спасителя; а мы, несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія; и хотя много тяжкаго поневолѣ терпѣливо переносимъ отъ властей (свѣтскихъ); но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше церкви“. Къ заявленію Павла и Иларіона немедленно пристали и всѣ бывшіе на соборѣ русскіе архіереи, такъ что соборъ волей—неволей долженъ былъ заняться обсужденіемъ этого такъ не ожиданно возникшаго и нестоявшаго въ соборной программѣ вопроса. Русскіе архіереи, на основаніи приведенныхъ ими выписокъ изъ сочиненій отцовъ и учителей церкви и даже Св. Писанія (2-я книга Ездры 4, 1—12) усиленно старались доказать, что священство выше царства, тогда какъ греческіе архіереи, и особенно Паисій Лигаридъ, всячески усиливались ослабить силу приводимыхъ русскими архіереями свидѣтельствъ, настаивали на превосходствѣ свѣтской царской власти надъ духовною патріаршею. Дѣло это, такъ неожиданно возникшее на соборѣ, вызвало сильный гнѣвъ государя противъ виновниковъ, возбудившихъ такой щекотливый вопросъ: Павлу и Иларіону не вѣлѣно было

выходить съ ихъ подворій т. е. они были арестованы; имъ запрещено было священнодѣйствовать, Павелъ крутицкій лишенъ былъ мѣстоблюстительства патріаршаго престола и на его мѣсто мѣстоблюстителемъ назначенъ былъ жившій въ Москвѣ сербскій митрополитъ Теодосій. Впрочемъ смѣлые архіереи очень скоро принесли полную повинную въ своемъ проступкѣ, подписались подъ осужденіемъ Никона, просили греческихъ патріарховъ ходатайствовать за нихъ предъ царемъ, и дѣйствительно были имъ прощены, а самыя соборныя пренія о власти царской и патріаршей были царемъ вычеркнуты и потому не вошли въ акты дѣяній собора 1667 года 1).

Такъ плачевно неудачно кончилась попытка русскихъ архіереевъ дѣйствовать на соборѣ по собственной инициативѣ, проявить и защитить на немъ свою архіерейскую самостоятельность, свою независимость отъ свѣтской власти. Последняя увидѣла въ этихъ поползновеніяхъ архіереевъ не что иное, какъ архіерейское возмущеніе противъ законной власти, архіерейскую крамолу, и потому немедленно покарало главныхъ виновниковъ возмущенія, и если потомъ простило ихъ, то только благодаря быстро принесенному ими покаянію въ содѣянномъ преступленіи, а такъ же и благодаря ходатайству за нихъ восточныхъ патріарховъ.

Болѣе осторожно дѣйствовали архіереи на соборѣ 1682 года, когда царь Федоръ Алексѣевичъ предложилъ собору обсудить составленный государемъ проектъ новаго устройства епархіальнаго управленія, по которому предполагалось раздѣлить Россію на 12 митрополій съ тѣмъ, чтобы каждый митрополитъ имѣлъ въ своемъ округѣ нѣсколькихъ подчиненныхъ ему епархіальныхъ архіереевъ, надъ которыми онъ имѣлъ право высшаго надзора, а также право суда и наказанія, дѣйствуя въ послѣднемъ случаѣ соборно со всѣми епископами своего округа. Во главѣ же всей русской церкви, какъ ея верховной представитель и начальникъ, долженъ стоять патріархъ, которому подчинялись всѣ областные митро-

1) Соборныя засѣданія съ преніями о власти царской и патріаршей подробно нами изложены, въ напечатанной въ Богословскомъ Вѣстникѣ нашей статьѣ: сужденіе большаго московскаго собора о власти царской и патріаршей. (1892 г. Іюнь августъ и октябрь).

политы. Этотъ проектъ государя, связанный притомъ съ проектированнымъ имъ открытіемъ 33 новыхъ каеедръ, сверхъ существовавшихъ, крайне не понравился тогдашнимъ архіереямъ, такъ какъ онъ грозилъ имъ, съ одной стороны, территоріальнымъ сокращеніемъ ихъ тогдашнихъ епархій и, слѣдовательно, значительнымъ сокращеніемъ ихъ доходовъ; съ другой—ставилъ надъ ними, въ лицѣ областного митрополита—начальника, очень стѣснительный для нихъ надзоръ, какого они ни испытывали, когда зависѣли только отъ патріарха, всегда отъ нимъ далекаго и столь занятого, что онъ не имѣлъ серьезной практической возможности слѣдить за дѣйствительною жизнію и дѣятельностію епархіальныхъ архіереевъ. Въ виду этого соборъ архіереевъ обратился къ государю съ челобитною, „чтобы великій государь милостивно ко архіерейскому чину разсмотрѣніе положилъ и вновь гдѣ, въ пристойныхъ мѣстахъ и въ дальнихъ городѣхъ многонародныхъ; архіереевъ устроить—архіепископовъ и епископовъ, особыми ихъ епархіи, а не подъ митрополитами быть подвластнымъ, для того, чтобъ въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разгласія и межъ себя распри и высьности, и въ томъ несогласіи и нестроеніи святой церкви преобидѣнія, и отъ народа молвы и укоризны“. Государь внялъ соборному челобитію своихъ богомольцевъ и „милостивно“, отложилъ проектъ о раздѣленіи Россіи въ церковномъ отношеніи на 12 округовъ, оставивъ епархіальныхъ архіереевъ въ прежней непосредственной зависимости только отъ патріарха.

Въ указанныхъ нами случаяхъ архіереи отважились выступить, какъ самостоятельная сила, единственно потому, что они думали отстоять свои специально-архіерейскіе интересы, которые нарушались, въ первомъ случаѣ, рѣшительнымъ преобладаніемъ свѣтской власти надъ духовною, а во второмъ случаѣ проектъ царя, казалось имъ, наносилъ архіереямъ и существенный матеріальный вредъ и, въ тоже время, грозилъ подчинить ихъ ограничительному докучливому надзору окружающихъ митрополитовъ. Впрочемъ мы имѣемъ и еще случай, когда одинъ архіерей выступилъ на соборѣ уже по чисто церковному вопросу и дозволилъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ не царя, а только патріарха. Это было на соборѣ 1654 года, на которомъ патріархъ Никонъ выступилъ

какъ церковный реформаторъ. Епископъ коломенскій Павелъ не согласился съ Никонѣмъ во взглядѣ на поклоны въ чотыредесятницу и, опираясь на имѣвшіеся у него старыя уставы, изъ которыхъ одинъ онъ принесъ на соборъ, формально заявилъ свое несогласіе съ патріархомъ. За такую смѣлость—высказывать и отстаивать свое мнѣніе о поклонахъ, Павелъ жестоко поплатился: онъ былъ лишенъ каѣдры, сосланъ въ монастырь и погибъ потомъ не извѣстнымъ образомъ. Все это конечно довольно ясно и опредѣленно характеризуетъ ту степень свободы мнѣній и сужденій, какая допускалась тогда на нашихъ церковныхъ соборахъ ¹⁾).

Кромѣ крайней пассивности и угодливости нашихъ архіереевъ предъ свѣтскою властію, въ ихъ соборной дѣятельности замѣчается еще одна характерная черта. На нашихъ церковныхъ соборахъ поднимались иногда живые и важные потому времени вопросы, выдвигаемые настоятельными запросами самой жизни, стремленіями ея улучшить въ томъ или другомъ отношеніи. Такіе живые, имѣвшіе для всей общественной жизни особую важность вопросы, выходили

¹⁾ Впрочемъ встрѣчаются и явленія противоположнаго характера, когда на соборахъ, даже по строго церковнымъ вопросамъ, допускалась иногда излишняя свобода, доходившая до брани и оскорбленій. Въ 1649 году, 11 февраля, патріархъ Іосифъ отъ своего лица и отъ лица всего освященнаго собора подалъ государю жалобу на царскаго духовника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, въ которой писалъ: „въ нынѣшнемъ, государь, во 157 году, февраля въ 11 день, указалъ ты, благочестивый и христілюбивый государь царь, мнѣ, богомольцу своему, и намъ, богомольцамъ своимъ, быть у себя, государя, въ серединѣ. И тотъ благовѣщенскій протопопъ Стефанъ билъ челомъ тебѣ, благочестивому государю, на меня, богомольца твоего, и на насъ, на весь освященный соборъ, а говорилъ: будто въ Московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня, богомольца твоего, называлъ волкомъ, а не пастыремъ; тако же называлъ и насъ, богомольцевъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епискупа, и весь освященный соборъ бранными словами, и волками, и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцовъ твоихъ... бранилъ и безчестилъ“. Стефанъ бранилъ патріарха и соборъ за то, что они утвердили многогласіе, тогда какъ Стефанъ былъ горячимъ сторонникомъ единогласія, за которое всецѣло стоялъ и царь, не придавшій поэтому жалобѣ патріарха никакого значенія. Очевидно на соборахъ можно было смѣло отстаивать свое мнѣніе и даже рѣзко порицать съ нимъ не согласныхъ, но только въ томъ случаѣ, если за порицателемъ стоялъ самъ царь...

обыкновенно или снизу отъ какихъ либо уважаемыхъ старцевъ иноковъ и отъ представителей бѣлаго духовенства, или же сверху отъ государя, но никогда они не исходили изъ архіерейской среды.

Такъ въ извѣстномъ письмѣ „о нелюбкахъ“ между воложскими старцами и іосифлянами говорится, что уважаемые всѣми и самимъ великимъ княземъ старцы—Паисій Ярославовъ и его ученикъ Нилъ Сорскій, присутствовавшие на соборѣ о вдовыхъ попахъ и дьяконахъ, когда соборъ окончилъ съ этимъ вопросомъ, внесли отъ себя предложеніе, что бы монастыри не владѣли селами. „И егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконѣхъ, говоритъ письмо „о нелюбкахъ“, и нача старецъ Нилъ глаголати, что бы у монастырей сель не было, а жили бы чернцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ: а съ ними пустынники бѣлозерскіе. И сіе слышавъ игумень Іосифъ нача имъ вопреки глаголати“ 1). Такимъ образомъ очень важный для того времени и очень живой вопросъ о правѣ монастырей владѣть крестьянами, такъ долго и сильно волновавшій потомъ тогдашнее общество, вызвавшій страстную борьбу и горячую литературную полемику, былъ возбужденъ на соборѣ извѣстными старцами, причемъ старцами же велась и вся дальнѣйшая борьба и полемика по данному вопросу. Архіереи, съ своей стороны, стали въ этомъ вопросѣ на сторону „стяжателей“ т. е. тѣхъ, которые защищали и отстаивали право монастырей владѣть крестьянами, хотя это требованіе находилось въ полномъ противорѣчій съ идеею всецѣлаго монашескаго нестяжанія и отреченія отъ всего мірскаго, хотя владѣніе крестьянами дѣйствовало на всю монашескую жизнь самымъ вреднымъ и прямо разлагающимъ образомъ. Но этого мало. Тогдашніе іерархи не только не стали на сторону идеи Нила Сорскаго, какъ бы имъ слѣдовало, но даже открыли рѣшительное преслѣдованіе монаховъ нестяжателей и ихъ сторонниковъ, всячески усиливаясь представить ихъ чуть не еретиками, такъ какъ и сами архіереи въ обиліи тогда владѣли крестьянами. Такимъ образомъ своихъ дѣйствій въ данномъ вопросѣ тогдашніе іерархи ясно показали, что для нихъ личныя матеріальныя интересы были выше и важнѣе

1) Приб. къ твор. св. отцовъ, т. X, стр. 505.

правильной, нормальной постановки жизни тогдашняго монашества, къ чему стремился Ниль Сорскій и его послѣдователи.

На томъ же соборѣ 1503 года, который рѣшалъ вопросъ о вдовыхъ священникахъ и дьяконахъ, былъ заслушанъ протестъ ростовскаго вдоваго священника Георгія Скрипицы, въ которомъ онъ горячо возставалъ противъ приговора собора, запретившаго всѣмъ вдовымъ священникамъ и дьяконамъ, безъ различія ихъ жизни и поведенія, священнодѣйствовать, исключая того случая, когда они примутъ иноческое постриженіе и тогда имъ разрѣшалось отправлять церковныя службы въ монастыряхъ. „Вы осудили, говорилъ Скрипица, присутствовавшимъ на соборѣ іерархамъ, всѣхъ іереевъ и діаконѡвъ, настоящихъ и будущихъ, за смерть ихъ женъ; но въ смерти они неповинны, смерть наводитъ Богъ... Вы положили въ церкви вѣчную вражду между собою и священниками: какъ же дерзаете входить въ святой алтарь?.. Зачѣмъ вы смѣшали добрыхъ съ злыми, и не разлучивъ злыхъ отъ праведныхъ, велите постригаться въ монашество, что бы священнодѣйствовать?.. И вашему собору кто не подивится, кто не посмѣется въ чужихъ земляхъ, услышавъ, что іереямъ и діаконамъ, по смерти женъ, запрещено служить?.. Вы говорите: мы совершили то ради благочестія, очищая церковь, такъ какъ попы вмѣсто женъ держатъ наложницъ. Но разсудите, отъ кого то зло сталося въ нашей землѣ: не отъ вашего-ли нерадѣнія, что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Господа священноначальницы, смѣло заявлялъ Скрипица, благословно ни вы сами, ни священники избранными, не дозиаете священникомъ, а во грады и села не посылаете опытовати, какъ кто пасеть церковь Божию; назираете священниковъ по царскому чину земнаго царя: бояры и дворецкими, недѣльщиками, тиуны и доводчики, своихъ дѣля прибитковъ, а не по достоянію святительскому. Апостолъ пишетъ: служащій олтарю, со алтаремъ содѣляются. И вамъ достоить пастн церковь священниками богобоязненными, а не мірскимъ воинствомъ“. Этотъ горячій и вполнѣ справедливый по существу протестъ священника Георгія Скрипицы ¹⁾, противъ постановленія со-

1) Чтен. общ. ист. и древн. 1848 г. № 6, смѣсь, стр. 48.

бора, незаконно запретившаго всѣмъ безъ исключенія вдовымъ священникамъ и дьяконамъ священнодѣйствовать, его воплилъ справедливое указаніе на крайнюю не нормальность тогдашняго епархіальнаго управленія, которое архіереи, ради своихъ матеріальныхъ выгодъ, вели исключительно чрезъ своихъ свѣтскихъ служилыхъ людей,—не былъ принятъ однако во вниманіе архіереями, которые отнеслись къ нему совершенно индеферентно, не придавъ ему никакого значенія, хотя этотъ протестъ былъ, очевидно, воплемъ отчаянія людей несправедливо обиженныхъ и постоянно притѣсняемыхъ.

Съ воцареніемъ Алексѣя Миханловича въ Москвѣ образовался, по преимуществу изъ передоваго болѣе образованнаго бѣлаго духовенства, кружекъ ревнителей благочестія, во главѣ котораго стоялъ царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Этотъ кружекъ, опиравшійся на молодого сочувствовавшего ему царя, энергично выступилъ на публичную борьбу съ разными общественными порками и недостатками, господствовавшими въ народѣ языческими суевѣріями, языческими игрищами и крайнею грубостію нравовъ, съ лѣнностію, пьянствомъ и распущенностію духовенства, съ различными церковными нестроаяніями и не порядками, особенно на борьбу съ многогласіемъ въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Кружекъ ревнителей благочестія поставилъ своею задачею водворить въ народѣ истинное благочестіе, возвысить его нравственную жизнь, просвѣтитъ его церковное сознаніе, съ помощію возстановленія забытаго было у насъ церковнаго учительства; перевоспитать и нравственно возвысить самое духовенство, уничтожить различные вопіющіе церковные не порядки. Отъ патріарха и другихъ архіереевъ кружекъ, опираясь на царя, настоятельно требовалъ неотложныхъ и энергичныхъ мѣръ и преобразованій въ указываемомъ имъ духѣ и направленіи, настаивалъ, чтобы и сами архипастыри являли собою образецъ истинно архипастырскаго служенія церкви, сами бы подавали собою примѣръ подчиненному имъ духовенству въ надлежащемъ выполненіи имъ своихъ пастырскихъ обязанностей относительно пасомыхъ. Естественно было ожидать, что дѣятельность кружка ревнителей благочестія, какъ въ высшей степени полезная и плодотворная, по крайней мѣрѣ

по своему замыслу, встрѣтить у архипастырей полное одобреніе, поддержку и всякое поощреніе. Но въ дѣйствительности получилось совершенно обратное. Патріархъ Іосифъ и другіе архіереи отнеслись къ дѣятельности кружка не только не одобрительно, но и прямо враждебно. Они увидѣли въ дѣятельности кружка обличеніе и порицаніе ихъ архипастырской безопасности и равнодушія къ дѣлу улучшенія и воспитанія пасомыхъ, покушеніе на ихъ архіерейскія права, такъ какъ только отъ высшей іерархической власти должны исходить всѣ церковныя мѣропріятія и руководство жизнію пасомыхъ, а не отъ какихъ-то бѣлыхъ священниковъ, хотя бы дѣйствительно ревностныхъ къ благочестію и болѣе другихъ просвѣщенныхъ. Когда, поэтому, кружекъ ревнителей благочестія рѣшительно поставилъ вопросъ объ уничтоженіи многогласія и обязательномъ введеніи единогласія, когда царь, сочувствуя кружку, въ февралѣ 1649 года созвалъ соборъ, чтобы на немъ рѣшить вопросъ о введеніи единогласія; то бывшіе на соборѣ патріархъ и архіереи, изъ противодѣйствія непріятному имъ кружку ревнителей, соборно постановили узаконить очевидное безчиніе: многогласіе въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Правда царь не утвердилъ этаго соборнаго постановленія, а чрезъ два года заставилъ патріарха и архіереевъ пересмотрѣть вопросъ и рѣшить его въ пользу единогласія, при чемъ патріархъ Іосифъ съ другими архіереями, исполняя настоятельное желаніе царя, вопреки прежнему своему соборному постановленію, призналъ въ 1651 году и утвердилъ соборно, чтобы въ церковномъ пѣніи и чтеніи отнюдь не допускалось бы многогласія, а всюду бы и всегда употреблялось только единогласіе. Но, очевидно, эта необходимая мѣра, уничтожавшая одно изъ вопіющихъ злоупотребленій въ нашемъ богослуженіи, была проведена въ жизнь единственно волею и настояніемъ государя, вопреки противодѣйствію патріарха и архіереевъ, защищавшихъ старое, давно установившееся у насъ церковное безчиніе.

Однимъ изъ ненормальныхъ и прямо болѣзненныхъ явленій въ епархіальной жизни древней Руси было то обстоятельство, что, при громадности территоріи и общей многочисленности народонаселенія, у насъ даже къ концу XVII в., было всего только 17 епархій. Нужны были, при тогдашнихъ

путяхъ сообщенія, цѣлые мѣсяцы, а въ Сибири чуть не годы, чтобы какое либо распоряженіе архіерея дошло до всего духовенства и паствы его епархіи, и многіе мѣсяцы на то, чтобы духовенство могло переслать свой отвѣтъ архіерею на его требованія и распоряженія. О какомъ либо прямомъ и непосредственномъ воздѣйствіи архипастыря не только на своихъ многочисленныхъ пасомыхъ, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ, а они его, но и на самое особенно сельское духовенство, не могло быть и рѣчи, такъ какъ архіереи буквально не имѣли никакой возможности сами объѣзжать свои громадныя епархіи, а духовенство ради той же громадности разстояній, не могло свободно и когда нужно являться къ своему епархіальному архіерею. Вслѣдствіе этого паства и духовенство такъ и оставались безъ непосредственнаго призора и руководства со стороны своего архипастыря, предоставленныя въ церковно-религіозной жизни самимъ себѣ и разнымъ случайнымъ вліяніямъ, откуда бы онѣ не исходили. Конечно архіерей могъ дѣйствовать чрезъ указы, приказы, посланія и другія подобныя произведенія канцелярскаго искусства; но дѣйствительная цѣнность и дѣйственность подобнаго рода канцелярскихъ упражненій слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы о ней можно было говорить серьезно, какъ о факторѣ, могущемъ оказать воспитывающее вліяніе на церковную жизнь епархіи. Понятно поэтому какъ важенъ былъ и полезенъ—въ видахъ нормальнаго и болѣе широкаго развитія въ народѣ церковно-религіозной жизни, проектъ царя Ѳедора Алексѣевича объ образованіи на Руси новыхъ 70 или 72 епархій. Осуществленія этого проекта требовали самые насущные интересы вѣры и церкви, самые насущные и священные интересы всего православнаго народонаселенія тогдашней Россіи. Такъ дѣйствительно и смотрѣлъ на свой проектъ самъ государь, но не такъ посмотрѣли на него архіереи, и потому постарались не допустить его, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ видѣ, до утвержденія соборомъ. Сначала патріархъ съ освященнымъ соборомъ призналъ цифру 70 для вновь открываемыхъ епархій чрезмѣрно большею, и тогда царь сократилъ ее до 33-хъ и въ этомъ видѣ передалъ проектъ на разсмотрѣніе собора въ увѣренности, что онъ пойдетъ навстрѣчу справедливымъ царскимъ желаніямъ. Но соборъ не оправдалъ надеждъ государя, онъ при-

зналъ, что слѣдуетъ и полезно открыть новыя епархіи, но не 70 или 33, какъ хотѣли царскіе проекты, а только *одинадцать*, да и изъ этихъ одинадцати въ дѣйствительности открыты были только *четыре*, а остальные семь совсѣмъ не открывались. Ясное дѣло, что архіереи вовсе не сочувствовали проекту царя и совсѣмъ не желали открытія новыхъ епархій, а если и соглашались на открытіе очень немногихъ, то соглашались очень неохотно, только уступая желанію и настояніямъ государя.

Очень характерны тѣ причины, какія побуждали архіереевъ дѣйствовать на соборѣ такимъ страннымъ и для нихъ, какъ архипастырей церкви, прямо непозволительнымъ образомъ въ дѣлѣ, которое, казалось бы, требовало отъ нихъ къ себѣ совершенно иного отношенія.

Учредить новыя епархіи можно было конечно не иначе какъ раздробивъ уже существующія, чрезъ выдѣленіе изъ нихъ тѣхъ или другихъ частей, и значить: съ учрежденіемъ новыхъ епархій необходимо сокращались предѣлы старыхъ, а вмѣстѣ съ этимъ необходимо болѣе или менѣе уменьшались и доходы прежнихъ архіереевъ. Каждый монастырь, каждая приходская церковь съ причтомъ были обложены въ древней Руси извѣстными податями въ пользу епархіальнаго архіерея, и потому отчужденіе ихъ отъ данной епархіи, въ видахъ образованія новой, неизбѣжно сокращало прежніе обычные доходы архіерея. Это обстоятельство и было одною изъ главныхъ причинъ, почему архіереи всячески противились открытію новыхъ епархій: они боялись потерять часть своихъ доходовъ, и потому легче мирились съ церковно-епархіальною распущенностію и безпризорностію, чѣмъ съ открытіемъ новыхъ епархій. Они, не стѣсняясь, заявляли на соборѣ, что будто бы „у митрополитовъ изъ епархій: астраханскаго, псковскаго, смоленскаго, нижегородскаго; у архіепископовъ: у суздальскаго, у тверскаго—*изъ ихъ епархій не изъ чего вновь быть архіереомъ*: епархія малоградны и разстояніемъ не дальны... Въ вятскую епископію прибавить архіерея не изъ чего, *потому что во градѣхъ церквей и монастырей мало*“. Очевидно боязнь оскудѣть въ доходахъ и прибыляхъ продиктовала архіереямъ приведенныя соборныя заявленія.

Не менѣе, если не болѣе, характерна и другая причина,

по которой архіереи не хотѣли согласиться съ проектомъ государя объ открытіи намѣченныхъ имъ новыхъ епархій. Въ своей челобитной соборъ іерарховъ проситъ государя „архіереовъ устроить“ только „въ пристойныхъ мѣстахъ и въ дальнихъ городѣхъ и многонародныхъ“, а въ самомъ соборномъ постановленіи іерархи разъясняютъ, что они разумѣютъ подъ пристойными для архіереевъ мѣстами. Соборное постановленіе говоритъ, что въ далекіе города „на Лѣну въ Дауры посылать отъ духовнаго чину архимандритовъ и игуменовъ и священниковъ добрыхъ и учительныхъ для ученія христіанскаго закона и просвѣщенія невѣрныхъ; а епископамъ въ тѣхъ дальнихъ городахъ нымъ быть неудобно-малолюдства ради христіанскаго народа“. Въ этомъ официальномъ соборномъ заявленіи архіереевъ ярко вскрывается присущій имъ довольно своеобразный ихъ взглядъ на самихъ себя, на свое общественное положеніе и обязанности, на свое отношеніе къ паствѣ. Архіерей, по ихъ представленію, какъ „владыка“ и „великій господинъ“, могъ жить только „въ пристойныхъ мѣстѣхъ“, какими были города „многонародные“, когда въ городахъ и окружающей ихъ области было много церквей и монастырей, съ которыхъ бы архіерей могъ получать довольные для его жизни и надлежащей обстановки доходы, почему въ тѣхъ дальнихъ городахъ, гдѣ христіанское православное народонаселеніе не многочисленно, гдѣ мало церквей и монастырей — „епископомъ быть неудобно“. Неудобно имъ быть на бѣдныхъ окраинахъ и потому еще, что тамъ пришлось бы имъ заниматься миссіонерствомъ среди невѣрныхъ, а подобное занятіе для епископа соборъ іерарховъ находилъ тоже неудобнымъ, несогласнымъ съ высокимъ общественнымъ положеніемъ и достоинствомъ „владыки“. Въ виду этого соборъ и постановляетъ: посылать въ отдѣльные, окраинные, съ малымъ христіанскимъ населеніемъ, города, гдѣ требуется просвѣщать и обучать невѣрныхъ, не архіереевъ, а лицъ низшаго іерархическаго ранга: архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, которые и должны заниматься тамъ „обученіемъ христіанскому закону и просвѣщеніемъ невѣрныхъ“. Очевидно древне-русскій архіерей и представить себѣ не могъ, чтобы ему, какъ архипастырю и преемнику самихъ Апостоловъ, можно было жить не въ многонародномъ, а въ какомъ

нибудь незначительномъ, отдаленномъ и малонаселенномъ городкѣ, жить безъ обычной богатой, помірски пышной архіерейской обстановки, получать не большіе, а только умѣренные доходы, заниматься не дѣлами только епархіальнаго управленія и совершеніемъ пышныхъ архіерейскихъ служеній, а скромнымъ и невиднымъ дѣломъ, хотя и апостольскимъ, — просвѣщенія и обученія невѣрныхъ. Государственный сановникъ убивалъ въ древне-русскомъ архіереѣ духовнаго архипастыря.

И такъ въ древне-русскихъ архіереяхъ XVI и XVII столѣтій, какъ дѣятеляхъ на церковныхъ соборахъ, мы видимъ полную безличность и крайнюю угодливость предъ государственною властію, которая, создавъ имъ особое по правамъ и власти привилегированное положеніе въ обществѣ и государствѣ, сдѣлавъ ихъ важными и властными государственными чиновниками, взамѣнъ этого требовала отъ нихъ полного послушанія себѣ, ревностнаго безприкословнаго служенія своимъ видамъ и цѣлямъ. Древне-русскіе архіереи, при такихъ условіяхъ, необходимо и неизбѣжно сдѣлались и на церковныхъ соборахъ только простыми орудіями въ рукахъ свѣтской власти, которая пользовалась ими для полного поработенія себѣ церкви, для низведенія ея на степень зауряднаго государственнаго учрежденія, простаго государственнаго вѣдомства по дѣламъ церковнымъ, обязаннаго неукоснительно проводить въ жизнь всѣ предписанія свѣтскаго правительства. Понятно, что архіереи—чиновники никогда и не думали являться на церковные соборы съ какими либо своими проектами, планами, запросами, вытекавшими изъ ихъ положенія какъ архипастырей церкви и духовныхъ руководителей своей паствы, и въ чемъ либо несогласными съ видами и цѣлями свѣтскаго правительства: все это слишкомъ бы противорѣчило ихъ чиновничьему духу, ихъ чиновничьей дисциплинѣ, тѣмъ болѣе что за всякое попятное въ этомъ направленіи имъ, какъ чиновникамъ, могла грозить серьезная опасность испортить свою чиновничью карьеру, потерять то высокое привилегированное положеніе, какое они занимали благодаря только милости и благоволенію къ нимъ государей.

Съ другой стороны древне-русскіе архіереи XVI и XVII столѣтій, полагаясь во всемъ только на волю и усмотрѣніе

благочестивѣйшихъ государей, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, въ своей соборной дѣятельности проявляли очень малую архипастырскую заботливость о самыхъ законныхъ и настоятельныхъ нуждахъ и интересахъ своей паствы, довольно индифферентно относились къ ея религіозно - правосленному просвѣщенію, улучшенію и процвѣтанію. Это происходило потому, что, въ силу разныхъ историческихъ условій, паства по отношенію къ своимъ епархіальнымъ архіереямъ была чѣмъ-то стороннимъ и далекимъ отъ нихъ, не имѣла съ ними никакой живой органической связи, архіереи не срослись съ нею въ единый цѣльный организмъ, живущій одною жизнію, одними и тѣми же интересами и воодушевляемый и движимый однимъ и тѣмъ же духомъ; архіереи были для паствы хотя и необходимымъ, но въ тоже время какимъ-то внѣшнимъ, случайнымъ и пришлымъ элементомъ, привходящимъ въ ея жизнь и исчезающимъ изъ нея по дѣйствию извнѣ, по мимо ея воли, желанія и участія. Древне-русскіе архіереи единственную жизненную и прочную точку опоры для себя видѣли не въ своей паствѣ, не въ тѣсномъ органическомъ единеніи со всею ея жизнію, а только въ сильной свѣтской государственной власти, при усердной службѣ видамъ и цѣлямъ которой, они всегда рассчитывали найти въ ней поддержку и опору для своихъ специально архіерейскихъ интересовъ. Имъ никогда и въ голову не приходило, что настоящая и дѣйствительная ихъ опора заключается вовсе не въ свѣтскомъ правительствѣ, а именно въ ихъ пасомыхъ, которые одни, своею любовію и преданностію своимъ излюбленнымъ архипастырямъ, только и могутъ дать имъ настоящую церковную независимость и самостоятельность, превратить ихъ изъ государственныхъ чиновниковъ въ настоящихъ церковныхъ архипастырей, живущихъ съ паствою одною жизнію, имѣющихъ съ нею одни радости и горе, и потому для нея всегда особенно дорогихъ и желанныхъ. При такой постановкѣ дѣла, мы никогда не встрѣчались бы въ древней Руси съ такими грустными явленіями, когда архіереи, если и отваживаются иногда въ исключительныхъ случаяхъ выступать противъ свѣтской власти, то выступаютъ единственно только ради защиты и огражденія своихъ специальныхъ узко-архіерейскихъ интересовъ, но никогда коллективно не встаютъ за общіе интересы всей

церкви, за интересы и права своихъ пасомыхъ, хотя бы и видѣли по отношенію къ нимъ въ дѣйствіяхъ свѣтской правительственной власти что либо неправильное, несогласное съ духомъ и ученіемъ Христа и Апостоловъ.

Изъ всего нами сказаннаго о церковныхъ московскихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій само собою открывается, что эта соборность была очень своеобразная, мало похожая на истинную настоящую соборность. Она вовсе не служила показателемъ и обнаруженіемъ широты и свободы тогдашней церковной жизни, проявленіемъ ея высшихъ духовныхъ творческихъ силъ и дѣятельности, тѣмъ болѣе, что она не имѣла никакой прямой, непосредственной и органической связи съ жизнью, нуждами и интересами паствы, а потому не имѣла и на народную жизнь сколько нибудь замѣтнаго оживляющаго и просвѣтляющаго ея вліянія, не оставляла въ ней въ этомъ отношеніи какаго либо замѣтнаго слѣда. Въ концѣ концовъ такая соборность свидѣтельствовала не о подъемѣ общественной церковно-религіозной жизни, а только о стараніи и заботахъ свѣтскаго правительства дать правильное и нормальное направленіе церковнымъ дѣламъ, когда находило, что онѣ приняли въ какомъ либо отношеніи не правильное теченіе, почему и главнымъ дѣтелемъ на соборахъ была собственно не церковь, а свѣтская правительственная власть. Отсюда понятнымъ становится и то обстоятельство, что соборы у насъ совсѣмъ прекращаются, какъ скоро во главѣ церковнаго управленія сталъ Синодъ. Это произошло потому, что если наши соборы были только органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ, то они должны были потерять смыслъ дальнѣйшаго своего существованія, сдѣлались болѣе ненужными, когда явился Синодъ. Въ лицѣ Синода, этого постоянного церковнаго собора въ миниатюрѣ, свѣтское правительство приобрѣтало такой органъ, который съ большимъ удобствомъ и легкостью могъ быть, и дѣйствительно былъ, постояннымъ надежнымъ проводникомъ государственныхъ видовъ и цѣлей въ дѣлахъ церковныхъ, нежели какими были прежніе церковные соборы, очень хлопотливо, медленно и рѣдко собираемые. Поэтому вполне естественно было, что съ учрежденіемъ св. Синода церковные соборы, за полную ихъ ненадобностію для свѣтскаго правительства, окончательно прекратили свое

существованіе, тѣмъ болѣе что созывавшее ранѣе соборы свѣтское правительство, со времени Петра I-го, перестало интересоваться церковными вопросами съ тѣмъ напряженіемъ, съ какимъ ими интересовались благочестивые московскіе государи, бывшіе великими любителями, почитателями и знатоками всякой уставной церковности, чего уже нельзя сказать о государяхъ петербургскаго періода. Конечно теперь можно было бы отъ архіереевъ ожидать инициативы собранія соборовъ, такъ какъ они, опираясь на каноны, могли бы настаивать предъ свѣтскою властію на необходимости созывать церковные соборы. Но наши іерархи какъ до Петра были чиновниками, дѣйствовавшими по приказу и указкѣ свѣтскаго правительства, такъ такими же большею частью они остались и послѣ Петра, и потому они не считали себя въ правѣ выступать и въ церковныхъ дѣлахъ съ собственною инициативою, а по прежнему ждали во всемъ приказаній и распоряженій со стороны свѣтской власти.

Н. Кантеревъ.
